Ц 180/1167
VI 180/1167

проф. П. ЖУКОВИЧЪ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ
И ВОЦАРЕНІЕ РОМАНОВЫХЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СПБ., МОЙКА 32.
„СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА".

ТВО И.Д. СЫТИНА
МОСКВА
У НИКИНСКИХЪ ВОРОТЪ

УЧЕНИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА
П. П. ПОЛЯКОВА 1.
№ кат. | сист. 332
| хрон.

№ 525

V I 180/1167

Проф. П. ЖУКОВИЧЪ.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ
и ВОЦАРЕНІЕ
РОМАНОВЫХЪ.

Цѣна **25** коп.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1913.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
33748-44

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СПБ., МОЙКА 32.
„СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА".

ТВО И. Д. СЫТИНА
МОСКВА
У ИЛЬИНСКИХЪ ВОРОТЪ

Призваніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.
Съ картины Угрюмова.

1.

Прекращеніе династіи Рюрика. Боярская семья Романовыхъ.

Воцаренію дома Романовыхъ предшествовало долгое и тяжкое для Руси смутное время. Родоначальникъ новаго царствующаго дома не прямо изъ рукъ старой династіи принялъ власть: онъ долженъ былъ вывести Русь изъ пропасти, въ которой она не мало уже лѣтъ безнадежно билась.

Пресѣченіе династіи для всякой страны — великое бѣдствіе. Въ Москвѣ же, 5 января 1598 года, со смертью царя Ѳеодора Іоанновича, пресѣкся царственный родъ—Іоанна Калиты изъ династіи Рюрика, — создавшій Московское царство и три столѣтія его возвышавшій. А начало династіи Рюрика неразрывно связано съ самымъ зарожденіемъ Русскаго государства, за четыре еще вѣка передъ тѣмъ, въ Новгородѣ и Кіевѣ. Не легко было Русскому народу примириться съ такимъ государственнымъ несчастіемъ.

Въ Москвѣ на службѣ у царя много было тогда бояръ—князей, потомковъ Рюрика изъ иныхъ поколѣній его рода. Но родство ихъ съ Московскимъ царствующимъ домомъ съ теченіемъ времени стало очень далекимъ. Притомъ же предки многихъ изъ этихъ князей вели въ прежнее время упорную борьбу съ Московскими государями—собирателями Руси. Когда скончался царь Ѳеодоръ, не было въ Москвѣ и рѣчи объ избраніи на престолъ кого-либо изъ бояръ-рюриковичей.

Въ наиболѣе близкомъ родствѣ съ послѣднимъ царемъ изъ Рюрикова дома была одна боярская семья не—княжескаго происхожденія: семья Романовыхъ. Предки этой семьи служили уже первымъ князьямъ Московскимъ. Во все послѣдующее время бояре изъ нея, вплоть до Романа Юрьевича Захарьина, отъ ко-

тораго пошло самое имя Романовыхъ, пользовались особымъ довѣріемъ Московскихъ великихъ князей. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный женился на дочери Романа Юрьевича — кроткой, добродѣтельной Анастасіи, и царь Ѳеодоръ былъ ея сыномъ. Братъ царицы Анастасіи, бояринъ Никита Романовичъ, и послѣ ея смерти, сохранялъ высокое положеніе при дворѣ, хотя родъ Романовыхъ не причастенъ былъ къ опричнинѣ. Въ первое время царствованія Ѳеодора Іоанновича Никита Романовичъ стоялъ во главѣ всего управленія, пока тяжкая болѣзнь не свела его въ могилу. Память о немъ долго жила въ народѣ, какъ о добромъ заступникѣ передъ Грознымъ за всѣхъ, на кого обрушивался гнѣвъ царя.

Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ.

У Никиты Романовича было пятеро сыновей. Изъ нихъ особенно выдавался своимъ умомъ и дарованіями старшій, Ѳеодоръ Никитичъ. Близкое родство съ угасавшею царскою династіею открывало молодому Ѳеодору Никитичу путь къ престолу. Даже за московскимъ рубежемъ, въ Литвѣ, тогда знали, что въ Москвѣ, послѣ смерти царя Ѳеодора, многіе сразу же заговорили о преимущественныхъ правахъ на престолъ его двоюроднаго брата Ѳеодора Никитича Романова.

2.

Царствованіе Бориса Годунова.

Но давно уже и съ большимъ стараніемъ расчищалъ себѣ путь къ престолу бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. И у него было близкое родство съ царствующимъ домомъ: царь Ѳеодоръ былъ женатъ

на его родной сестрѣ. Въ четырнадцатилѣтнее царствованіе болѣзненнаго, чуждавшагося суеты земной Ѳеодора Іоанновича, Борисъ Годуновъ былъ правителемъ государства. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, онъ сумѣлъ успокоить страну и возвратить захваченное шведами при Грозномъ побережье Финскаго залива. По обстоятельствамъ того времени, Годуновъ особенно заботился о благосостояніи средняго по достатку служилаго землевладѣльческаго сословія, составлявшаго главную военную силу государства. Въ то же время, имѣя въ своихъ рукахъ раздачу государственныхъ должностей въ Москвѣ и по областямъ, онъ постепенно замѣстилъ ихъ преданными ему людьми. Пышные титулы, пожалованные Годунову царскою милостью, самое необычное для боярина, хотя бы и наиболѣе знатнаго, мѣсто его во время царскихъ торжественныхъ пріемовъ,—не во главѣ бояръ, а особо, у царскаго трона,—явно показывали, что онъ, дѣйствительно,—«властодержавный правитель» въ Русскомъ царствѣ.

Царь Ѳеодоръ не указалъ себѣ преемника. Москва послѣ его смерти признала надъ собою власть вдовствующей царицы. Но Ирина Ѳеодоровна удалилась въ Новодѣвичій монастырь и постриглась въ монахини.

Уже одно то, — что Борисъ Годуновъ былъ шуриномъ умершаго царя и роднымъ братомъ отрекшейся отъ власти царицы, — имѣло большое значеніе для старой Москвы, высоко ставившей родственныя связи. Въ пользу него со всей рѣшительностью выступилъ патріархъ Іовъ. За него же стояло и многочисленное среднее военно-служилое сословіе, имѣвшее большое значеніе на земскихъ соборахъ. Въ этихъ соборахъ не участвовали тогда особо выбранные народные представители, а, на ряду съ освященнымъ соборомъ (высшимъ духовенствомъ) и боярскою думою, на нихъ были лишь обычные высшіе чины служилаго и торговаго сословій, выборные и невыборные, вѣдавшіе тѣ или иныя отрасли управленія въ Москвѣ и по областямъ. Земскій соборъ, избравшій 17 февраля 1598 г. Бориса Годунова на царство, былъ такимъ же по своему составу.

Пресѣченіе вѣковой династіи произошло въ трудную, опасную пору жизни русскаго государства. Въ то время положеніе тяглаго населенія—и городского, и сельскаго, платившаго государственныя подати, или тягло, сильно ухудшилось.

Московскіе великіе князья, въ теченіе двухъ слишкомъ вѣковъ, собирали въ одно государство разрозненныя русскія земли. Начали они это трудное дѣло и долго вели его подъ суровымъ татарскимъ игомъ.

Царь Борисъ Годуновъ.

Не мало имъ мѣшала и Литва, соединившаяся съ Польшей въ одно сильное государство. Прадѣдъ и дѣдъ царя Ѳеодора Іоанновича, Іоаннъ III и Василій III, закончившіе собираніе сѣверной Руси, должны были цѣлый рядъ войнъ вести съ литовско-польскими королями, чтобы отобрать у нихъ Смоленскую и Черниговско-Сѣверскую области. Когда окончилось собираніе сѣверной Руси, Московскіе государи должны были позаботиться о болѣе безопасныхъ для государства и болѣе выгодныхъ для торговли границахъ. Правда, отецъ царя Ѳеодора, Іоаннъ Грозный, легко и быстро завоевалъ татарскія царства — Казанское и Астраханское; но почти двадцатипятилѣтняя война его изъ-за Ливоніи, т.-е. изъ-за восточныхъ береговъ Балтійскаго моря, окончилась неудачей.

И собираніе Руси, и установленіе необходимыхъ границъ требовали отъ народа все новыхъ и новыхъ жертвъ. Между тѣмъ собранное съ такими великими усиліями государство нужно было и оберегать непрестанно отъ внѣшнихъ враговъ, угрожавшихъ ему со всѣхъ сторонъ. Жизнь Русскаго народа въ тѣ времена была, можно сказать, непрерывнымъ подвигомъ само-

отверженія. Русскіе люди стараго времени во всемъ себѣ отказывали, только бы отстоять свое родное государство.

Тяглое населеніе не только вносило въ государственную казну все большія и большія подати, но оно постепенно утрачивало и свою личную свободу. Тогда за службу государственную платили не деньгами, а землей. Служилый военный человѣкъ получалъ отъ государя большее или меньшее помѣстье, доходами съ котораго и содержался, пока былъ въ силахъ служить. Такъ какъ приходилось все увеличивать и увеличивать войско, то въ помѣстья для служилыхъ людей стали обращать не только дворцовыя, но и черныя, или государственныя земли съ жившими на нихъ крестьянами. Для крестьянъ это, конечно, было тягостно. И безъ того, на Руси много уже было крестьянъ, сильно задолжавшихъ вотчинникамъ и помѣщикамъ, на земляхъ которыхъ они селились. Обѣднѣвшіе крестьяне не въ состояніи были уплатить своего долга и навсегда оставались жить на такихъ земляхъ и работать.

Въ руки помѣщиковъ перешло большое количество черныхъ земель, а вмѣстѣ съ землею въ ихъ власти очутилось и множество прежнихъ государственныхъ крестьянъ. Большая часть этихъ крестьянъ была крестьянами - старожильцами на государственныхъ земляхъ. Они жили на нихъ въ теченіе долгаго времени, поколѣніе за поколѣніемъ, и въ силу этого постепенно утратили право свободнаго перехода на другія земли. Такіе крестьяне съ переходомъ подобныхъ земель къ помѣщику становились въ полную отъ него зависимость. Права крестьянъ на землю уменьшались. Государственныя власти уже меньше ихъ знали. Управленіе и судъ надъ ними переходили къ землевладѣльцамъ. Волостное самоуправленіе разстраивалось. Право же перехода на другія земли утрачено еще раньше.

При послѣднихъ царяхъ изъ Рюрикова дома громадная площадь земли въ серединной части Россіи перешла въ руки военно-служилаго сословія. Неудивительно, что тутъ въ нѣкоторой части тяглыхъ людей зародилось не совсѣмъ доброе чувство къ этому сословію. Тогда же началось бѣгство крестьянъ изъ

внутреннихъ частей государства на его южныя окраины (въ нынѣшнія губерніи Черниговскую, Орловскую, Курскую, Воронежскую). Тутъ, на югѣ, не было еще твердо установленной государственной границы. Граница здѣсь постепенно передвигалась все далѣе на югъ, по мѣрѣ того, какъ и правительству, и отдѣльнымъ бѣглымъ людямъ удавалось общими усиліями отвоевать ту или другую часть «дикаго поля» (какъ тогда называли степи) у хищныхъ крымскихъ татаръ. Кромѣ крестьянъ, къ южнымъ границамъ стремилось много холоповъ, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ, у которыхъ они жили въ положеніи совершенно безправныхъ дворовыхъ людей. Бѣжали сюда разные гулящіе люди, а также преступники, спасавшіеся отъ заслуженнаго ими наказанія. Бѣжали сюда и разорившіеся посадскіе, или городскіе люди.

Московское правительство постоянно нуждалось въ людяхъ для военной обороны южной границы, растянувшейся на большое пространство. Поэтому оно не расположено было строго карать бѣглецовъ за самовольный побѣгъ и другія вины, а старалось только пристроить ихъ къ дѣлу. Многихъ изъ нихъ оно принимало даже въ число военно-служилыхъ людей низшихъ разрядовъ. Конечно, такіе военно-служилые люди не вполнѣ были надежны. Населеніе всей обширной южной пограничной полосы представляло собою безпокойный, вѣчно мятущійся сбродъ.

Въ царствованіе Бориса Годунова безпокойное положеніе этой полосы еще болѣе усилилось. Заботясь о благосостояніи среднихъ военно-служилыхъ людей, Годуновъ нѣкоторыми своими распоряженіями усилилъ закрѣпощеніе крестьянъ и увеличилъ число холоповъ. Эти распоряженія Бориса возбудили противъ него недовольство тѣхъ и другихъ. Сюда присоединился страшный голодъ. Три года сряду былъ полный неурожай. Много людей погибло. Особенно тяжко пришлось холопамъ. Нѣкоторые владѣльцы не хотѣли ихъ кормить, прогоняли изъ своихъ домовъ, но не давали имъ отпускныхъ грамотъ. Безъ этихъ же грамотъ никто не принималъ холопа во дворъ, боясь отвѣтственности за укрывательство бѣглаго. Холопы стали грабежемъ и разбоемъ добывать себѣ хлѣбъ.

Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ.
Съ карт. И. Рѣпина.

Число бездомныхъ холоповъ увеличилось еще отъ одной причины. Вслѣдствіе крайней подозрительности Бориса, не мало боярскихъ семей, — въ томъ числѣ и Романовы, — подверглось опалѣ и ссылкѣ. Все имущество опальныхъ отбирали въ казну, а холоповъ изгоняли, при чемъ никому не позволялось принимать ихъ къ себѣ. Съ горькимъ чувствомъ обиды за невинно пострадавшихъ бояръ, у которыхъ ихъ домовымъ людямъ нерѣдко жилось хорошо, соединялось у холоповъ страшное озлобленіе противъ царя Бориса. Лишенные крова и пищи, не имѣя даже надежды найти себѣ гдѣ-либо пропитаніе, они цѣлыми толпами устремлялись на южныя окраины. Безпокойство въ окраинномъ населеніи, съ ихъ приходомъ, увеличивалось. Мѣстныя власти иногда не въ силахъ были обуздать бѣглыхъ холоповъ, соединявшихся въ грабительскія шайки. Въ 1603 году одна изъ такихъ шаекъ, подъ предводительствомъ разбойничьяго атамана Хлопки Косолапа, отъ южной границы перебросилась на сѣверъ, къ самой Москвѣ. Борисъ долженъ былъ двинуть противъ нея большую рать, которая съ немалыми усиліями разгромила бунтовщиковъ.

При такомъ настроеніи южнаго пограничнаго населенія, всякіе враждебные царю Борису слухи легко принимались здѣсь на вѣру и быстро распространялись. Загадочная смерть въ Угличѣ младшаго брата царя Ѳеодора, царевича Димитрія (15 мая 1591 года) издавна давала пищу для подобныхъ слуховъ. Никто не вѣрилъ, что царевичъ, играя съ сверстниками въ тычку, случайно, въ припадкѣ падучей болѣзни, наткнулся на ножъ. Смерть царевича Димитрія, при какихъ бы обстоятельствахъ она ни произошла, проложила Борису Годунову путь къ престолу. Этого одного было достаточно, чтобы заподозрить Бориса въ соучастіи въ Углицкомъ убійствѣ. По мѣрѣ того, какъ Годуновъ, отчасти по своей винѣ, терялъ любовь народа, мысль населенія невольно все сильнѣе обращалась къ старой династіи, хотя и грозной по временамъ, но все же долгіе годы дѣлившей съ народомъ и горе, и свѣтлыя радости. Когда черезъ два или три года, по вступленіи на престолъ Бориса, прошли слухи, что царевичъ Димитрій спасся отъ руки убійцъ,—все

населеніе южной пограничной полосы встрепенулось и насторожилось. Въ его душу какъ-бы проникъ радостный лучъ надежды, не возвратятся ли для Русской земли, съ чудесно спасшимся прирожденнымъ царемъ, прежнія, болѣе счастливыя времена.

Царевичъ Димитрій Іоанновичъ.

3.

Появленіе самозванца въ Польшѣ.

Человѣкъ, принявшій на себя имя царевича Димитрія, какъ и множество другихъ бѣглецовъ, тайкомъ пробрался изъ Москвы въ знакомую намъ южную пограничную полосу, именно—въ западную ея часть.

носившую названіе Сѣверской Украйны (нынѣ Черниговская и Курская губерніи). Сѣверская Украйна тогда находилась въ сосѣдствѣ съ польскими владѣніями: отъ Чернигова и Путивля къ югу совсѣмъ недалеко уже шла русско-польская граница.

Царь Борисъ въ свое время объявилъ, что самозванецъ—не кто иной, какъ Григорій Отрепьевъ, бѣглый монахъ московскаго Чудова монастыря. Этому не всѣ повѣрили. Многіе ученые, и русскіе, и иноземные, впослѣдствіи также не вѣрили этому. Но теперь среди ученыхъ—и нашихъ, и иноземныхъ—замѣчается уже больше довѣрія къ объявленію царя Бориса. Сами дворяне Отрепьевы, какъ это ни больно имъ было, не отвергали впослѣдствіи, что Лжедимитрій вышелъ изъ ихъ рода. Въ 1671 году, въ поданной царю Алексѣю Михайловичу челобитной, они жаловались на то, что ихъ постоянно укоряютъ и поносятъ изъ-за Гришки Отрепьева, и это для нихъ тѣмъ обиднѣе, что они въ его самозванствѣ совсѣмъ неповинны: напротивъ, въ бытность Гришки на Москвѣ, они потерпѣли отъ него и были изгнаны въ Сибирскіе города. Отрепьевы не отвергали своего родства съ Григоріемъ Отрепьевымъ; они только умоляли царя дать имъ другое прозвище (имъ царь далъ прозваніе Нелидовыхъ).

Изъ Сѣверской Украйны московкій бѣглецъ направился въ Кіевъ, принадлежавшій тогда Польшѣ. Кіевскимъ воеводою былъ знаменитый ревнитель православной вѣры, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, напечатавшій на свои средства первую церковно-славянскую Библію и основавшій въ г. Острогѣ на Волыни первое на Руси высшее училище. Престарѣлый князь самъ рѣдко уже проживалъ въ Кіевѣ. Замѣнялъ его здѣсь обыкновенно его помощникъ, Гавріилъ Гойскій. Бѣглецъ (въ 1601 году) нашелъ себѣ въ Кіевѣ пріютъ, сперва въ Печерской обители, потомъ при дворѣ кіевскаго воеводы. Но оказался онъ не совсѣмъ обычнымъ православнымъ монахомъ. Гойскій, раздѣлявшій нѣкоторыя мнѣнія зловредной секты социніанъ (которые отвергали ученіе о св. Троицѣ и не признавали Божественности Спасителя), подмѣтилъ въ немъ склонность къ этимъ мнѣніямъ. Этимъ объясняется, что вольнодумный московскій чернецъ, побывавши по

шути въ нѣкоторыхъ волынскихъ монастыряхъ князя Острожскаго, направился въ принадлежавшее Гойскимъ мѣстечко Гощу (нынѣ Острожскаго уѣзда, Волынской губерніи). Въ Гощѣ была социніанская школа. Здѣсь московскій выходецъ, сбросившій уже съ себя монашескую одежду, прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ среди социніанскихъ пасторовъ и учителей. Но и духовная сектантская наука оказалась ему не по душѣ.

Въ его воспріимчивой, мечтательной головѣ давно роились совсѣмъ другіе замыслы. По рожденію онъ принадлежалъ къ мелкопомѣстнымъ дворянамъ, отличался находчивостью, смѣлостью, удальствомъ, любовью къ военному дѣлу, но съ ранней юности, по неизвѣстнымъ причинамъ, долженъ былъ жить въ монастыряхъ. Монастыри того времени близко стояли къ великимъ государственнымъ дѣламъ. Въ монашество часто постригались люди изъ высшаго боярскаго класса. Живя въ монастыряхъ, Григорій Отрепьевъ могъ многое узнать и услышать. Притомъ же, передъ бѣгствомъ своимъ въ Польшу, онъ болѣе двухъ лѣтъ прожилъ въ самой Москвѣ, сперва въ близкомъ къ царствующему дому Чудовомъ монастырѣ, а потомъ при патріаршемъ дворѣ, гдѣ занимался списываніемъ книгъ. Неосторожные распросы его о царевичѣ Димитріѣ и возбудили противъ него подозрѣнія. Спасаясь отъ угрожавшаго ему заточенія, онъ бѣжалъ черезъ Сѣверскую Украйну въ Польшу.

Изъ Гощи московскій бѣглецъ перебрался въ мѣстечко Брагинъ (нынѣ Рѣчицкаго уѣзда Минской губ.), принадлежавшее тогда православному по вѣрѣ князю Адаму Вишневецкому, и поступилъ къ нему на службу. Въ Брагинѣ, осенью 1603 года, Отрепьевъ сдѣлалъ первое признаніе, что онъ—спасшійся отъ руки убійцъ московскій царевичъ Димитрій Іоанновичъ. Брагинъ находился очень близко отъ Сѣверской Украйны. Громадныя имѣнія князей Вишневецкихъ шли по самой московской границѣ, и у нихъ часто происходили столкновенія съ московскими пограничными властями. Лжедимитрій надѣялся поднять противъ царя Бориса возстаніе въ Сѣверской Украйнѣ, съ помощью князей Вишневецкихъ и другихъ недовольныхъ южно-русскихъ землевладѣльцевъ. Въ январѣ 1604 года, въ Лубнахъ

(нынѣ Полтавской губ.), принадлежавшихъ князю Михаилу Вишневецкому, собирались уже вооруженные отряды, намѣревавшіеся весною вторгнуться въ Сѣверскую Украйну.

Князь Адамъ Вишневецкій не принадлежалъ къ числу видныхъ сановниковъ въ Польшѣ. Но родственникъ его, князь Константинъ Вишневецкій, римско-католикъ по вѣроисповѣданію, незадолго передъ этимъ женился на младшей дочери Сендомирскаго воеводы Юрія Мнишка, одного изъ важныхъ польскихъ сенаторовъ. Лжедимитрій изъ Брагина и направился въ его имѣніе Залозье (нынѣ мѣстечко Кременецкаго уѣзда Волын. губ.), а отсюда въ Самборъ (нынѣ въ Галиціи, въ Австріи)—мѣстопребываніе Юрія Мнишка. Тщеславный, любившій блескъ и роскошь, Мнишекъ сильно къ этому времени прожился. Удручаемый неоплатными долгами, онъ несказанно обрадовался счастливому случаю поправить свои дѣла на счетъ неисчерпаемой Московской казны: мнимый царевичъ плѣнился старшею дочерью Мнишка Мариною и тогда же сталъ ея женихомъ.

Для Лжедимитрія и его будущихъ родственниковъ было весьма важно привлечь на свою сторону короля. Это оказалось не такъ трудно. На польскомъ престолѣ сидѣлъ, уже болѣе пятнадцати лѣтъ, Сигизмундъ III, по матери полякъ (изъ династіи Ягеллоновъ), по отцу шведъ (изъ династіи Ваза). Онъ былъ уже польскимъ королемъ, когда умеръ его отецъ, Іоаннъ III, король шведскій. На головѣ Сигизмунда оказались двѣ королевскихъ короны—польская и шведская. Но близкія связи съ іезуитами вооружили противъ него все населеніе Швеціи, лютеранское по вѣроисповѣданію; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы, дядя его, Карлъ IX, отнялъ у него шведскій престолъ. Для Сигизмунда это было тяжелой утратой. Польскій престолъ былъ избирательнымъ, и Сигизмундъ не могъ быть вполнѣ увѣренъ въ томъ, что послѣ его смерти потомство его будетъ владѣть Польшей. Неудивительно, что Сигизмундъ III всѣми силами стремился вернуть наслѣдственный шведскій престолъ. Но Польша не хотѣла воевать со Швеціей изъ-за дѣтей Сигизмунда. Польскому королю представлялось весьма заманчивымъ воспользоваться

помощью Москвы для возвращенія утраченнаго шведскаго престола.

Хотя изъ-за слѣпой приверженности къ римско-католической вѣрѣ Сигизмундъ и лишился шведскаго престола, но онъ продолжалъ оставаться преданнѣйшимъ ученикомъ іезуитовъ. На соборѣ въ Брестѣ (1596 г.) онъ насильственно ввелъ унію (или соединеніе) съ Римомъ православной церкви, находившейся въ его государствѣ, т.-е. попросту — подчинилъ ее Римскому папѣ, съ сохраненіемъ въ ней только обрядовъ православной церкви и славянскаго языка въ богослуженіи. Интересы папы стояли у Сигизмунда всегда на первомъ мѣстѣ. Съ водвореніемъ на Московскомъ престолѣ Лжедимитрія, у него являлась надежда распространить унію и на всемъ обширномъ пространствѣ Русскаго царства.

Понятно, что Сигизмундъ отнесся къ Лжедимитрію весьма сочувственно. Прежде онъ не прочь былъ силою усмирить начинавшееся по сосѣдству съ Сѣверской Украйной движеніе. Теперь же, получивши отъ Адама Вишневецкаго (въ концѣ октября 1603 года) донесеніе о московскомъ царевичѣ, онъ измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе и даже самъ выразилъ желаніе, чтобы царевичъ прибылъ къ нему въ Краковъ. Еще до пріѣзда Лжедимитрія въ старую польскую столицу, король разослалъ (въ началѣ февраля 1604 года) письма къ сенаторамъ, спрашивая у нихъ совѣта, какъ быть съ московскимъ царевичемъ.

Между Литовско-польскимъ королевствомъ и Русскимъ царствомъ издавна установились непріязненныя отношенія. Королевство не покидало мысли возвратить себѣ отобранныя Московскими государями Смоленскую и Черниговско-Сѣверскую области, а Московскіе государи помышляли объ отобраніи у Польши другихъ русскихъ областей. Въ Литвѣ и Польшѣ не мало думали о томъ, какъ сдѣлать для себя Русское царство менѣе опаснымъ. За годъ до смерти царя Ѳеодора Іоанновича, на польскомъ сеймѣ въ Варшавѣ разсуждали о томъ, какъ-бы посадить на Московскій престолъ польскаго короля. Польскіе замыслы тогда не удались. Но подобная мысль не исчезла въ Польшѣ. Появленіе Лжедимитрія давало полякамъ новую на-

дежду на это. Но, съ другой стороны, предпріятіе Лжедимитрія было рискованнымъ и, въ случаѣ неуспѣха, могло дорого обойтись Польшѣ.

Неудивительно, что мнѣнія польскихъ сенаторовъ раздѣлились. Одни изъ нихъ совѣтовали оказать московскому царевичу военную поддержку, другіе предлагали передать все дѣло на рѣшеніе сейма, третьи высказались противъ мнимаго царевича. Въ числѣ ихъ былъ князь К. К. Острожскій.

Сигизмундъ не счелъ нужнымъ созывать сеймъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что сеймъ, всегда скупой и несговорчивый, не установитъ новыхъ военныхъ налоговъ на поддержку невѣдомаго царевича. Отъ мысли о прямой военной помощи пришлось отказаться. Но Сигизмундъ рѣшилъ, все-таки, чѣмъ-либо прійти на помощь самозванцу. Онъ видѣлъ, что сенаторы высказались противъ поддержки московскаго царевича только потому, что не были увѣрены въ успѣхѣ.

5 марта 1604 года въ Краковѣ Сигизмундъ принялъ Лжедимитрія; этимъ онъ показалъ, что признаетъ московскаго выходца истиннымъ царевичемъ. Лжедимитрій просилъ короля помочь ему возвратить прародительскій престолъ и обѣщалъ впослѣдствіи отблагодарить за помощь и короля, и Польшу: возвратить Смоленскую и Сѣверскую области съ тѣмъ, чтобы половина ихъ была во владѣніи Мнишка; заключить вѣчный союзъ Русскаго государства съ Польшей; помочь Сигизмунду возвратить себѣ шведскій престолъ; наконецъ, позволить строить въ Московскомъ государствѣ римско-католическія церкви и жить въ немъ іезуитамъ.

Чтобы привлечь на свою сторону іезуитовъ и вообще римско-католическое духовенство, Лжедимитрій рѣшилъ притворно принять римско-католическую вѣру: это дѣло онъ повелъ такъ тонко, что перехитрилъ самихъ іезуитовъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріема у короля, самозванецъ явился къ папскому послу въ Польшѣ Рангони, говорилъ ему о своемъ высокомъ уваженіи къ папѣ и выражалъ намѣреніе, если ему удастся возвратить себѣ прародительскій престолъ, вступить въ союзъ съ западными государями противъ турокъ:

папы съ давняго времени хлопотали объ этомъ союзѣ. Рангони былъ очарованъ «царевичемъ» и обѣщалъ ему содѣйствіе.

Съ іезуитами Лжедимитрій свелъ знакомство при содѣйствіи самборскаго католическаго приходскаго священника Франциска Помасскаго, нарочно выписаннаго Мнишкомъ въ Краковъ. Помасскій такъ устроилъ дѣло, что одинъ изъ краковскихъ іезуитовъ, Каспаръ Савицкій, явился лично къ Лжедимитрію, чтобы ему представиться. Лжедимитрій, въ первой же бесѣдѣ съ іезуитомъ, намекнулъ, что у него давно есть нѣкоторыя сомнѣнія относительно вѣры. Іезуитъ, конечно, выразилъ готовность разрѣшить эти сомнѣнія.

Но бесѣды Лжедимитрія съ іезуитами могли возбудить подозрѣнія у тѣхъ московскихъ православныхъ людей, которые стекались къ нему въ Брагинъ, Залозье, Самборъ и въ Краковъ. Нужно было дальнѣйшія встрѣчи съ іезуитами скрыть отъ нихъ. Это и удалось сдѣлать при содѣйствіи самого краковскаго воеводы Зебжидовскаго.

Лжедимитрій пріѣзжалъ къ нему въ гости въ сопрожденіи своихъ московскихъ людей; но обыкновенно въ ту комнату, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ воеводою, они не входили. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, ввели въ эту комнату тайнымъ ходомъ двухъ іезуитовъ, съ которыми хозяинъ и поспѣшилъ оставить Лжедимитрія наединѣ. Между Лжедимитріемъ и іезуитами завязался горячій споръ о вѣрѣ. Самозванецъ, отличавшійся вообще краснорѣчіемъ, сначала упорно защищалъ ученіе православной церкви; но въ концѣ спора іезуитамъ показалось, что онъ нѣсколько поколебался въ своихъ мнѣніяхъ. Черезъ недѣлю произошла вторая бесѣда Лжедимитрія съ іезуитами. На этотъ разъ іезуиты окончательно его побѣдили. Московскій выходецъ объявилъ Зебжидовскому, что онъ желаетъ присоединиться къ римско-католической церкви, и присоединиться поскорѣе, еще до Пасхи.

7 апрѣля, въ Великую субботу, Лжедимитрій, переодѣтый нищимъ, явился въ іезуитскій монастырь и здѣсь, въ келіи Савицкаго, исповѣдывался у него и отрекся отъ православной вѣры. Недѣлю спустя, 14 апрѣля, произошло окончательное присоединеніе

самозванца къ римско-католической церкви въ домовой церкви папскаго посла. Послѣ вторичной исповѣди, Рангони самъ причастилъ его и миропомазалъ. И Рангони, и іезуиты вполнѣ вѣрили искренности Лжедимитрія и радовались своей побѣдѣ. Въ этотъ же день Лжедимитрій вручилъ Рангони къ папѣ Клименту письмо, въ которомъ онъ называлъ себя смиренною овцою папы, но объяснялъ, что до поры до времени долженъ скрывать свое присоединеніе къ римско-католической церкви. Лжедимитрій прибавлялъ, что, можетъ-быть, Господу Богу черезъ него угодно будетъ обратить многія заблудшія души на путь истины. Это письмо на польскомъ языкѣ, все цѣликомъ написанное Лжедимитріемъ, до сихъ поръ сохранилось въ подлинникѣ въ Римѣ. Но письмо составлено было не самимъ Лжедимитріемъ, а іезуитомъ Савицкимъ. Лжедимитрій только переписалъ его, надѣлавши не мало въ немъ ошибокъ. Очевидно, бѣглый московскій выходецъ не успѣлъ еще вполнѣ овладѣть польскою книжною рѣчью.

Сочувствіе римско-католическихъ духовныхъ лицъ готчасъ же оказалось очень полезнымъ для Лжедимитрія. Король вторично принялъ его въ своемъ дворцѣ, и на этотъ разъ болѣе торжественно: подарилъ ему золотую цѣпь со своимъ изображеніемъ, далъ ему денегъ и драгоцѣнныя одежды. Прямой военной помощи король не обѣщалъ, но набирать отряды добровольцевъ не запретилъ. Польская шляхта (дворянство) также начала относиться къ самозванцу съ большимъ расположеніемъ.

Изъ Кракова Лжедимитрій, еще весной 1604 года, возвратился къ Мнишку въ Галицію, гдѣ и началъ набирать добровольцевъ. Въ это же время онъ особою грамотою предоставилъ во владѣніе своей невѣстѣ Маринѣ Мнишекъ Новгородъ и Псковъ, съ правомъ строить въ нихъ римско-католическіе монастыри, церкви и школы. Юрію Мнишку въ той же грамотѣ онъ обѣщалъ милліонъ польскихъ золотыхъ на уплату долговъ его и на покрытіе расходовъ по будущей поѣздкѣ Марины въ Москву.

Къ концу лѣта 1604 года, собралось подъ знамена Лжедимитрія около двухъ съ половиною тысячъ

человѣкъ конной польской и южно-русской шляхты. У него находилось и около двухсотъ московскихъ людей. Войско Лжедмитрія двинулось изъ Галиціи черезъ Волынь на востокъ. По пути къ нему присоединялись новые небольшіе отряды шляхты. Недалеко отъ Днѣпра, къ Лжедимитрію прибыло двѣ тысячи донскихъ казаковъ, съ которыми самозванецъ завязалъ сношенія, еще будучи въ Краковѣ. Прибытіе двухъ тысячъ донскихъ казаковъ почти вдвое увеличило его военную силу.

7 октября Лжедимитрій съ войскомъ вошелъ въ Кіевъ, а 13-го подъ Вышгородомъ переправился черезъ Днѣпръ и двинулся къ Московской Сѣверской Украйнѣ.

4.

Царь Борисъ и Лжедимитрій. Судьба бояръ Романовыхъ.

Царь Борисъ узналъ о появленіи самозванца очень рано, — въ то время, когда тотъ находился еще въ Брагинѣ.

Прошло уже нѣсколько лѣтъ царствованія Годунова, и за это время онъ не успѣлъ заявить себя какимъ-либо блестящимъ дѣломъ. Во внутреннихъ дѣлахъ новый царь обнаружилъ нѣкоторую заботливость о просвѣщеніи, развитіи торговли, былъ милостивъ къ обездоленнымъ людямъ, добръ и привѣтливъ въ обращеніи. Но, отъ природы подозрительный и мстительный, онъ, и ставши царемъ, не пересталъ быть такимъ. Онъ вѣрилъ всякимъ ложнымъ слухамъ, особенно если въ нихъ сообщалось о заговорахъ противъ него. Борисъ ловилъ такіе слухи, стараясь доискаться правды; щедро платилъ за доносы. Это, конечно, плодило доносчиковъ, нагоняло страхъ на всѣхъ. По ложнымъ доносамъ опала Царя обрушивалась на ни въ чемъ неповинныхъ людей.

Вмѣсто того, чтобы искоренять крамолу среди тѣхъ

людей, которые помогли Отрепьеву бѣжать въ Польшу, Борисъ обрушился на братьевъ Романовыхъ, вся вина которыхъ заключалась въ родствѣ съ прекратившимся царскимъ домомъ. Въ кладовой одного изъ братьевъ, Александра Никитича, по доносу дворoваго человѣка его, нашли мѣшокъ съ какими-то кореньями. Эти коренья Борисъ призналъ отравою, заготовленною для него. Романовы и ихъ родственники были взяты подъ стражу. Начались допросы и пытки. За ними послѣдовалъ суровый приговоръ боярскаго суда. Ѳеодора Никитича (въ 1601 году) постригли въ монашество, съ именемъ Филарета, и сослали въ Антоніевъ Сійскій монастырь (нынѣ Архангельской губ.). Жену его, Ксенію Ивановну, также постригли, съ именемъ Марѳы, и сослали въ Толвуйскій погостъ, въ Заонежье. Пятилѣтняго сына ихъ Михаила (род. 12 іюля 1596 г.) сослали съ нѣкоторыми родственниками на Бѣлоозеро, откуда они потомъ перевезли его въ принадлежавшее Романовымъ село Клинъ, Юрьевскаго уѣзда (Владимір. губ.). Ивана Никитича сослали въ Пелымъ (Тобольск. губ.), Александра Никитича—въ Усолье-Луду къ Бѣлому морю, Михаила Никитича—въ Пермскую область, въ село Нробъ, Василія Никитича—въ Яренскъ (Вологод. губ.). Трое послѣднихъ братьевъ вскорѣ умерли, не перенеся ссылки. Родственниковъ Романовыхъ также разослали по разнымъ дальнимъ областямъ.

Узнавши о появившемся въ Польшѣ самозванцѣ, Борисъ, прежде всего, распорядился, чтобы никого изъ Польши и Литвы не пропускали въ Московское государство, а лѣтомъ 1604 года отправилъ въ Польшу родного дядю самозванца, Смирного-Отрепьева, чтобы тотъ на личномъ свиданіи съ племянникомъ изобличилъ его въ самозванствѣ. Но въ Литвѣ и Польшѣ не допустили посланца до этого свиданія. Вслѣдъ затѣмъ патріархъ Іовъ въ своей окружной грамотѣ всенародно изобличалъ самозванство Гришки Отрепьева и объявлялъ, что предаетъ его и всѣхъ его соучастниковъ проклятію.

Борисъ, вслѣдъ затѣмъ, отправилъ въ Польшу особое посольство съ жалобой на нарушеніе мирнаго договора. Гонецъ Бориса Огаревъ прибылъ въ Варшаву лишь къ началу февраля 1605 года. Въ это время

тамъ собрался очередной польскій сеймъ. Члены сейма высказывались противъ Лжедимитрія и просили короля поступить, какъ съ измѣнниками, съ тѣми дворянами, которые осмѣлились поддерживать московскаго самозванца. Напротивъ, большинство сенаторовъ высказалось по дѣлу Лжедимитрія или уклончиво, или даже благопріятно для него. Никто изъ нихъ не требовалъ наказанія тѣхъ лицъ, которые самовольно, вопреки постановленію одного изъ предыдущихъ сеймовъ, ушли съ оружіемъ въ рукахъ въ чужое государство. Сеймъ разошелся, не сдѣлавши никакихъ постановленій. Сигизмундъ, соглашаясь съ большинствомъ сенаторовъ, далъ московскому гонцу уклончивый отвѣтъ:

— Этотъ человѣкъ (сказалъ онъ о Лжедимитріи) вступилъ уже въ Московское государство, и его тамъ легче достать и казнить, чѣмъ въ Польшѣ.

Въ это время Лжедимитрій, дѣйствительно, уже нѣсколько мѣсяцевъ находился въ предѣлахъ Московскаго царства.

Черезъ тайныхъ гонцовъ и посредствомъ особыхъ грамотъ, еще не дойдя Сѣверской Украйны, онъ сталъ распространять вѣсти о себѣ, какъ объ истинномъ царевичѣ Димитріи. Населеніе всей южной пограничной полосы, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось весьма довѣрчивымъ ко всѣмъ такого рода вѣстямъ. Многіе искренно увѣровали въ спасеніе прирожденнаго Русскаго царя, радовались за него и за себя, готовы были жизнь свою отдать за него. Но не мало было среди бѣглаго порубежнаго населенія и такихъ людей, которые рады были пристать ко всякому ловкому проходимцу, чтобы мстить за свои дѣйствительныя или мнимыя обиды, а то и просто — чтобы погулять вволю и добыть себѣ зипуновъ, какъ тогда говорили.

Первою русскою крѣпостью, къ которой направилось польско-казацкое войско Лжедимитрія, былъ Моравскъ (въ юго-западной части Черниговской губ.). Ратные люди въ немъ, вмѣстѣ съ жителями городка, не пожелали выступать противъ царя Димитрія Іоанновича. Они связали воеводъ и послали сказать Лжедимитрію, находившемуся тогда еще въ польской крѣпости Острѣ (нынѣ городъ Черниговской губ.), что добровольно ему поддаются. На другой день самозва-

нецъ торжественно въѣхалъ въ городъ, встрѣченный всѣми жителями съ хлѣбомъ-солью.

То же самое почти повторилось въ Черниговѣ. Главный воевода, съ частью ратныхъ людей, хотѣлъ сопротивляться; но населеніе, другая часть ратныхъ людей и товарищи воеводы потребовали сдачи крѣпости царю Димитрію Іоанновичу. Воевода былъ связанъ, и Черниговъ перешелъ въ руки Лжедимитрія.

Ратные люди Моравска и Чернигова усилили собою войско Лжедимитрія. Въ его распоряженіе поступила и бывшая въ Черниговѣ царская казна. Отовсюду спѣшили къ нему пограничные низшіе служилые люди изъ крестьянъ и холоповъ. Въ началѣ ноября пришло къ нему подъ Черниговъ еще девять тысячъ донскихъ казаковъ. Войско Лжедимитрія возросло уже почти до сорока тысячъ.

Отъ Чернигова самозванецъ двинулся далѣе на сѣверо-востокъ и подступилъ къ Новгородъ-Сѣверску (нынѣ Черниговск. губ.). Здѣсь Лжедимитрій встрѣтилъ первый отпоръ. Воевода Петръ Басмановъ,—человѣкъ мужественный и рѣшительный,—быстро принялъ всѣ мѣры къ усиленію крѣпости. Попытка Лжедимитрія взять Новгородъ-Сѣверскъ приступомъ была отбита. Пришлось начать осаду крѣпости. Дальнѣйшее движеніе его на сѣверо-востокъ, въ Москву, надолго было задержано.

Но въ это время отдѣльные отряды изъ войска Лжедимитрія, разсѣялись по всему пространству южной пограничной полосы. Осенью 1604 года, въ руки этихъ отрядовъ и Лжедимитрія перешелъ цѣлый рядъ городовъ-крѣпостей: Сѣвскъ, Кромы, Елецъ, Ливны (нынѣ Орловской губерніи), Курскъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Рыльскъ, Путивль (Курской губерніи), Воронежъ, Валуйки (Воронежской губерніи), Царевъ-Борисовъ (Харьковской губерніи). Изъ нѣкоторыхъ подчинившихся самозванцу городовъ, не только простые стрѣльцы и казаки, но и дворяне, и приказные люди приходили къ Лжедимитрію подъ Новгородъ-Сѣверскъ и предлагали свою службу. Изъ Путивля привезли къ нему даже артиллерійскія орудія.

Однако, осажденный Лжедимитріемъ Новгородъ-Сѣверскъ все еще не сдавался. Въ половинѣ декабря

на выручку Басманова пришло 45-ти тысячное царское войско, подъ предводительствомъ князя Мстиславскаго. Многочисленная уже армія Лжедимитрія (31 декабря) оттѣснила царское войско, при чемъ стоявшія во главѣ ея польскія роты захватили даже одно московское знамя и нанесли нѣсколько тяжелыхъ ранъ самому князю Мстиславскому. Но и эта побѣда не привела къ сдачѣ Новгородъ-Сѣверска.

Между тѣмъ, у Лжедимитрія давно уже начались нелады съ польскими военными людьми, которые до сихъ поръ за свою службу не получили обѣщаннаго щедраго вознагражденія. До Москвы же съ ея неисчерпаемой царской казной,—о которой поляки такъ мечтали, выступая въ походъ, — было еще слишкомъ далеко. Поляки потребовали у Лжедимитрія немедленной уплаты жалованья. Напрасно Лжедимитрій молилъ ихъ не уходить, даже падалъ ницъ передъ ними: ничто не помогало. Почти всѣ поляки ушли изъ-подъ Новгородъ-Сѣверска. Очень немногіе изъ нихъ потомъ возвратились.

Около этого времени подоспѣли къ нему запорожскіе, или днѣпровскіе казаки, которые находились подъ верховною властью польскаго короля. Съ ними самозванецъ сносился еще въ самую первую пору пребыванія своего въ Польшѣ, и они тогда уже не прочь были стать на его сторону. Но такъ какъ Лжедимитрій близко сошелся съ польскимъ королемъ, польскими панами и іезуитами, то у казаковъ отпала было охота служить ему. Они явились къ Лжедимитрію лишь тогда, когда его дѣло почти всецѣло перешло въ руки русскихъ людей. Но несмотря на приходъ двѣнадцати тысячъ запорожцевъ, и притомъ съ порядочными пушками, Новгородъ-Сѣверскъ не сдавался. Осаду пришлось снять. Лжедимитрій понялъ, что ему не пробиться въ Москву прямой дорогой, занятой войскомъ царя Бориса.

Самозванецъ двинулся съ войсками на востокъ, къ Сѣвску. За нимъ туда направилось и царское войско. Возлѣ Добрыничъ, 30 января 1605 года, произошло рѣшительное сраженіе. Самозванецъ былъ совершенно разбитъ. Нѣсколько тысячъ человѣкъ изъ его войска пало на мѣстѣ битвы. Орудія, знамена и много плѣн-

тыхъ досталось побѣдителямъ. Впослѣдствіи главной причиной своего пораженія самозванецъ считалъ, хотя и не совсѣмъ справедливо, поспѣшное бѣгство съ поля битвы запорожскихъ казаковъ. Нѣкоторая часть ихъ, въ виду явнаго неудовольствія на нихъ Лжедимитрія, вскорѣ совсѣмъ его оставила.

Царскіе воеводы не сумѣли воспользоваться одержанной побѣдой. Самозванецъ спасся бѣгствомъ, сперва въ Рыльскъ, потомъ въ Путивль. Царское войско двинулось за нимъ къ Рыльску. Но въ дѣйствіяхъ царскихъ воеводъ не было ни быстроты, ни рѣшительности. Долгій зимній походъ привелъ московскую армію въ крайнее изнуреніе. Кромѣ того, въ ней обнаружился сильный недостатокъ продовольствія: многіе дворяне разъѣхались за нимъ по домамъ. Между тѣмъ въ Путивлѣ, вокругъ самозванца, опять собралось множество казаковъ и военно-служилыхъ людей изъ передавшихся на его сторону украйныхъ городовъ. Царскому войску не безопасно было двинуться дальше къ Путивлю, оставивши за собой позади цѣлую враждебную страну.

Въ тылу арміи Бориса, находившейся попрежнему подъ предводительствомъ Мстиславскаго, неожиданно выросло вскорѣ опасное средоточіе непріятельскихъ силъ. Въ незначительномъ городкѣ Кромахъ, недалеко отъ г. Орла, гдѣ сходились дороги съ юга въ Москву, засѣлъ одинъ изъ отрядовъ войска Лжедимитрія. Пришедшее изъ Москвы, подъ начальствомъ боярина Шереметева, новое вспомогательное войско болѣе двухъ мѣсяцевъ осаждало Кромы, но не могло ихъ взять. Кромы продолжали держаться и въ то время, когда подошелъ къ нимъ съ юга князь Мстиславскій съ главнымъ царскимъ войскомъ. Весенняя распутица много мѣшала быстротѣ и успѣшности дѣйствій московскаго войска, но и царскіе воеводы не обнаруживали попрежнему ни военнаго искусства, ни рѣшительности. Самозванецъ же стягивалъ войска, чтобы идти на выручку Кромъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда подъ Кромы пришла вѣсть о неожиданной кончинѣ Бориса. Сильная рать въ то время преграждала самозванцу путь къ Москвѣ, и до царскаго престола ему было

весьма далеко. Смерть Годунова больше ему помогла, чѣмъ всѣ его военныя силы.

Царь Борисъ скоропостижно скончался 13 апрѣля 1605 года. Москва немедленно присягнула его шестнадцатилѣтнему сыну Ѳеодору.

Особое посольство, во главѣ съ новгородскимъ митрополитомъ Исидоромъ, прибыло подъ Кромы и привело ратныхъ людей къ присягѣ новому царю. Войско оказалось вѣрнымъ законному государю. Но гнусная измѣна гнѣздилась уже въ высшихъ его чинахъ.

Первыми измѣнили царю князья Василій и Иванъ Голицыны и Михаилъ Салтыковъ. Подъ ихъ вліяніемъ, измѣнилъ Ѳеодору Борисовичу и Петръ Басмановъ. Ихъ примѣру послѣдовали и стоявшіе во главѣ Рязанскихъ дворянскихъ отрядовъ братья Ляпуновы.

Измѣнившіе Ѳеодору Борисовичу военачальники стали тайно привлекать отдѣльные полки на сторону якобы прирожденнаго царя. Наступило 7 мая.

Распространился въ войскѣ слухъ, что сорокъ тысячъ новаго польскаго войска достигло Путивля и вскорѣ подойдетъ подъ Кромы. Первымъ перешелъ на сторону Лжедимитрія наемный четырехтысячный иноземный отрядъ. За нимъ послѣдовали нѣкоторые русскіе полки. Тогда воевода Басмановъ обратился къ остальному войску и сталъ призывать его идти служить царю Димитрію. Среди ратныхъ людей произошло страшное замѣшательство. Дѣло дошло до междоусобной сѣчи. Въ это время осажденные вышли изъ Кромъ и ударили на вѣрную царю Ѳеодору часть войска. Кто и не думалъ измѣнять, попали въ ряды сторонниковъ самозванца. Только небольшая часть войска, вѣрная присягѣ, съ княземъ Котыревымъ-Ростовскимъ во главѣ, успѣла отступить къ Москвѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что все множество простыхъ дворянъ подъ Кромами искренно увѣровало, со словъ своихъ военныхъ начальниковъ, въ подлинность царевича Димитрія.

Путь въ Москву былъ открытъ для Лжедимитрія.

Въ половинѣ мая самозванецъ выступилъ изъ Путивля въ Кромы. Однако, онъ не довѣрялъ еще перешедшей на его сторону царской рати. Значительную часть ея онъ распустилъ по домамъ, съ остальною же частью и со своими полчищами двинулся къ Москвѣ

черезъ Орелъ, Тулу и Серпуховъ. Всюду по пути его встрѣчали, какъ государя. Однако, онъ предпочиталъ держаться среди польскихъ отрядовъ, все еще не довѣряя русскимъ полкамъ.

У юнаго Ѳеодора Борисовича и у близкихъ къ нему людей не оказалось отваги и мудрой распорядительности. Боярская дума, съ князьями Мстиславскимъ и Шуйскими во главѣ, дѣйствовала вяло и даже двусмысленно. Среди московскаго населенія стало быстро расти убѣжденіе, что къ Москвѣ приближается истинный царевичъ Димитрій. Чѣмъ ближе подходилъ Лжедимитрій къ столицѣ, тѣмъ больше становилось въ ней людей, увѣровавшихъ въ его царское происхожденіе. Въ городѣ собирались толпы неразумнаго, разнуздавшаго люда, готовыя, во имя якобы царя Димитрія, броситься на грабежъ и разореніе всѣхъ его враговъ.

1-го іюня явились въ Москву посланцы отъ Лжедимитрія, въ сопровожденіи толпы обманутыхъ ими крестьянъ изъ Краснаго Села (недалеко отъ Москвы). Съ Лобнаго мѣста была прочитана привезенная ими грамота, призывавшая москвичей къ присягѣ прирожденному царю Димитрію. Произошло страшное смятеніе. Громадная толпа, запрудившая Красную площадь, бросилась въ Кремль. Ѳеодора Борисовича схватили и изъ дворца перевезли въ старый боярскій домъ Годуновыхъ. Спустя десять дней, клевреты Лжедимитрія, тайно пробравшись въ этотъ домъ, задушили юношу вмѣстѣ съ матерью его. Еще раньше къ самозванцу въ Тулу отправились на поклонъ нѣкоторые бояре.

20 іюня Лжедимитрій совершилъ торжественный въѣздъ въ Москву.

5.

Лжедимитрій въ Москвѣ.

Лжедимитрій старался всѣми своими дѣйствіями показать, что онъ — истинный сынъ Грознаго.

Въ самый день въѣзда въ столицу, онъ проливалъ слезы у гробницы его въ Архангельскомъ соборѣ,

Тотчасъ возвратилъ изъ ссылки своихъ мнимыхъ родственниковъ по матери — Нагихъ и пожаловалъ ихъ высокими чинами. Вызвалъ изъ отдаленной. Выксинской (на Шекснѣ) пустыни мнимую мать свою, старицу Марѳу (въ мірѣ царицу Марію Ѳеодоровну Нагую); впрочемъ, онъ сдѣлалъ это не сразу, а спустя почти два мѣсяца послѣ провозглашенія его царемъ. Истомленная нуждою и горемъ, старица признала его своимъ сыномъ, и была по-царски устроена имъ на жительство въ Вознесенскомъ монастырѣ въ Кремлѣ. Не оставилъ Лжедимитрій своими милостями и мнимыхъ своихъ родственниковъ по отцу—инока Филарета Никитича и Ивана Никитича Романовыхъ. Филаретъ былъ возвращенъ изъ ссылки въ Москву и пожалованъ саномъ Ростовскаго митрополита, а Иванъ Никитичъ, возвращенный изъ ссылки еще Годуновымъ, возведенъ въ санъ боярина. Возвращена была изъ ссылки и инокиня Марѳа, въ мірѣ Ксенія Ивановна Романова. Съ сыномъ своимъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ она получила полную свободу и съ нимъ проживала то въ Костромскихъ своихъ имѣніяхъ (доставшихся ей послѣ отца ея, Ивана Васильевича Шестова), то въ Ростовѣ, то въ самой Москвѣ, въ старомъ домѣ бояръ Романовыхъ.

Лжедимитрій I-й.

Лжедимитрій занималъ престолъ одиннадцать мѣсяцевъ. Никакими значительными дѣлами правленіе его не ознаменовалось, если не считать распоряженія о томъ, чтобы помѣщики не требовали возвращенія на ихъ земли тѣхъ крестьянъ, которые ушли въ голодные годы. Зато у него постоянно являлись разные широкіе, несбыточные замыслы.

Особенно Лжедимитрій увлекался мыслью объ изгнаніи турокъ изъ Европы. Для войны съ ними онъ

сразу же сталъ собирать ратныхъ людей и заготовлять военные припасы. Изъ-за этой же войны онъ хлопоталъ о болѣе тѣсномъ союзѣ съ Польшей. Но заключеніе союза сразу же натолкнулось на непреодолимыя препятствія.

Въ Москвѣ онъ ясно увидѣлъ, что надавалъ королю Сигизмунду неисполнимыхъ обѣщаній. Объ уступкѣ Польшѣ Смоленской и Черниговско-Сѣверской областей не могло быть и рѣчи. Взамѣнъ Лжедимитрій обѣщалъ королю денежную уплату за эти области, а также помощь въ войнѣ со Швеціей, и готовъ былъ немедленно начать эту войну. Но вести одновременно борьбу съ Турціей и Швеціей для Россіи было бы тяжело и рискованно. Съ другой стороны, широкимъ обѣщаніямъ Лжедимитрія едва ли могъ повѣрить Сигизмундъ. Самозванецъ самъ это сознавалъ. Притомъ же онъ сильно обидѣлся на польскаго короля за то, что тотъ называлъ его въ своихъ грамотахъ не царемъ, а только великимъ княземъ, между тѣмъ какъ Лжедимитрій самъ хотѣлъ именовать себя уже императоромъ. Надежда на заключеніе союза противъ турокъ съ Сигизмундомъ стала падать.

Въ пылкой головѣ Лжедимитрія явился другой планъ. Самозванецъ самъ сталъ стремиться къ польскому престолу. Онъ вошелъ въ сношенія съ нѣкоторыми польскими панами, весной 1606 года поднявшими возстаніе (по-польски «рокошъ») противъ Сигизмунда изъ-за того, что король будто-бы вознамѣрился разрушить золотую польскую вольность. Эти паны, во главѣ съ прежнимъ краковскимъ покровителемъ Лжедимитрія, воеводою Зебжидовскимъ, прямо предлагали нашему самозванцу польскую корону. Сношенія Лжедимитрія съ «рокошанами» велись тайно, но это не укрылось отъ преданныхъ Сигизмунду сенаторовъ, которые открыто говорили объ этомъ на весеннемъ варшавскомъ сеймѣ 1606 года. Надо думать, что о такихъ сношеніяхъ знали и московскіе бояре, которые съ безпокойствомъ смотрѣли на странные замыслы лже-царя.

Мечтая о побѣдоносной войнѣ съ турками, Лжедимитрій старался поддерживать добрыя отношенія и съ папою, надѣясь, при его содѣйствіи, привлечь къ

союзу противъ турокъ католическихъ государей Европы. Но самозванецъ хорошо понималъ, что частыя сношенія съ папой могутъ возбудить противъ него опасныя подозрѣнія. Конечно, въ Москвѣ не знали, что онъ въ Краковѣ перешелъ въ римско-католическую вѣру; но о сношеніяхъ его въ Польшѣ съ папскимъ посломъ и съ іезуитами дошли до Москвы вѣрныя извѣстія: о нихъ сообщили въ Москву изъ далекой Галиціи православные епископы—львовскій и перемышльскій.

Утвердившись на московскомъ престолѣ, Лжедимитрій старался разсѣять всякія подозрѣнія насчетъ его православія. Онъ послалъ, между прочимъ, большую сумму денегъ на постройку православнаго каѳедральнаго собора въ Львовѣ (въ Галиціи). Правда, онъ удалилъ изъ Москвы преданнаго царю Борису патріарха Іова и назначилъ на его мѣсто рязанскаго архіепископа Игнатія, пришлаго грека, раньше всѣхъ другихъ архіереевъ встрѣтившаго его, какъ государя. Но къ православному высшему духовенству самозванецъ вообще относился съ уваженіемъ и часто призывалъ его на совмѣстныя засѣданія съ боярскою думою.

Онъ старался,—по крайней мѣрѣ для виду,—не нарушать правилъ и установленій православной церкви. Весь порядокъ внѣшней, парадной жизни при его дворѣ устроенъ былъ такъ же, какъ и при прежнихъ царяхъ. Рѣшивши жениться на католичкѣ — Маринѣ Мнишекъ, онъ заблаговременно сталъ хлопотать у папы о разрѣшеніи ей присутствовать при православномъ богослуженіи и соблюдать обряды православной церкви. Лжедимитрію, очевидно, хотѣлось, чтобы Марина, оставаясь католичкой, казалась русскимъ православною царицею. Хотя двое іезуитовъ сопровождали Лжедимитрія въ самомъ походѣ его, но въ Москвѣ онъ старался держаться отъ нихъ подальше. Однако, они проникали къ нему и напоминали о данныхъ имъ въ Польшѣ обѣщаніяхъ. На это онъ объяснялъ имъ, что самъ онъ остается вѣрнымъ сыномъ римско-католической церкви, но для исполненія обѣщаній не настало еще время; торопиться же съ этимъ дѣломъ небезопасно и для него, и для нихъ самихъ. Лжедимитрію удалось такими объясненіями успокоить на нѣкоторое время и папу, и іезуитовъ.

Но его неискреннее православное настроеніе не укрылось отъ людей, имѣвшихъ возможность ближе наблюдать его жизнь. Кое-что въ поведеніи новаго царя представлялось не согласнымъ съ стародавнимъ русскимъ бытомъ, одинаково — казалось бы — дорогимъ и для царя, и для всякаго русскаго. Пребываніе въ Польшѣ, среди польской шляхты, не прошло для самозванца безслѣдно. И въ Москвѣ онъ любилъ вращаться среди поляковъ, а въ частной своей жизни слѣдовалъ нѣкоторымъ польскимъ обычаямъ. Во дворцѣ устраивались танцовальные вечера и маскарады, затягивавшіеся далеко за полночь. Вольнодумство Лжедимитрія сказывалось по временамъ въ недостаточно тщательномъ соблюденіи нѣкоторыхъ установленій православной церкви. Онъ нарушалъ посты, не клалъ поклоновъ передъ иконами и т. п.

Марина Мнишекъ.

Москва же съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за каждымъ шагомъ новаго царя. Всякія, даже мало важныя, отступленія отъ старыхъ порядковъ, особенно церковныхъ, возбуждали въ населеніи сомнѣнія въ православіи царя, а вмѣстѣ съ этимъ и въ его царственномъ происхожденіи.

Особенно пагубнымъ для Лжедимитрія оказалось присутствіе въ Москвѣ большого количества польскихъ людей. Все это былъ народъ буйный и надменный. Тяжело приходилось отъ нихъ москвичамъ, въ домахъ которыхъ они были размѣщены. Иногда дѣло доходило до кровавыхъ схватокъ. Русскимъ женщинамъ небезопасно было показываться на улицахъ. Въ церкви поляки входили въ шапкахъ, весело болтали тамъ, вводили съ собою собакъ. Все это раздражало православныхъ людей. Напрасно Лжедимитрій старался сдерживать поляковъ. Они плохо его слушались, вообра-

жая себя спасителями его и Россіи. Между тѣмъ всѣ дурные поступки поляковъ ставились въ вину самому царю.

Неудовольствіе противъ Лжедимитрія особенно росло въ высшемъ сословіи. Московскихъ бояръ обижало пренебрежительное отношеніе его къ нимъ и предпочтеніе, оказываемое иноземцамъ. Въ самыхъ засѣданіяхъ

Князь В. Шуйскій, приговоренный къ смертной казни, получаетъ помилованіе отъ Лжедимитрія I. Съ рис. А. Земцова (изъ «Нивы»).

боярской думы новый царь нерѣдко обзывалъ бояръ невѣждами. Между тѣмъ, очень многіе изъ нихъ никогда въ душѣ и не считали его истиннымъ сыномъ Грознаго.

Бояре не препятствовали вступленію его на престолъ по нелюбви къ Годуновымъ, но стараться объ утвержденіи его на царствѣ не имѣли основаній. Опасные государственные замыслы Лжедимитрія, уклоненіе его отъ точнаго соблюденія уставовъ и обрядовъ православной церкви, подозрительныя сношенія съ римско-

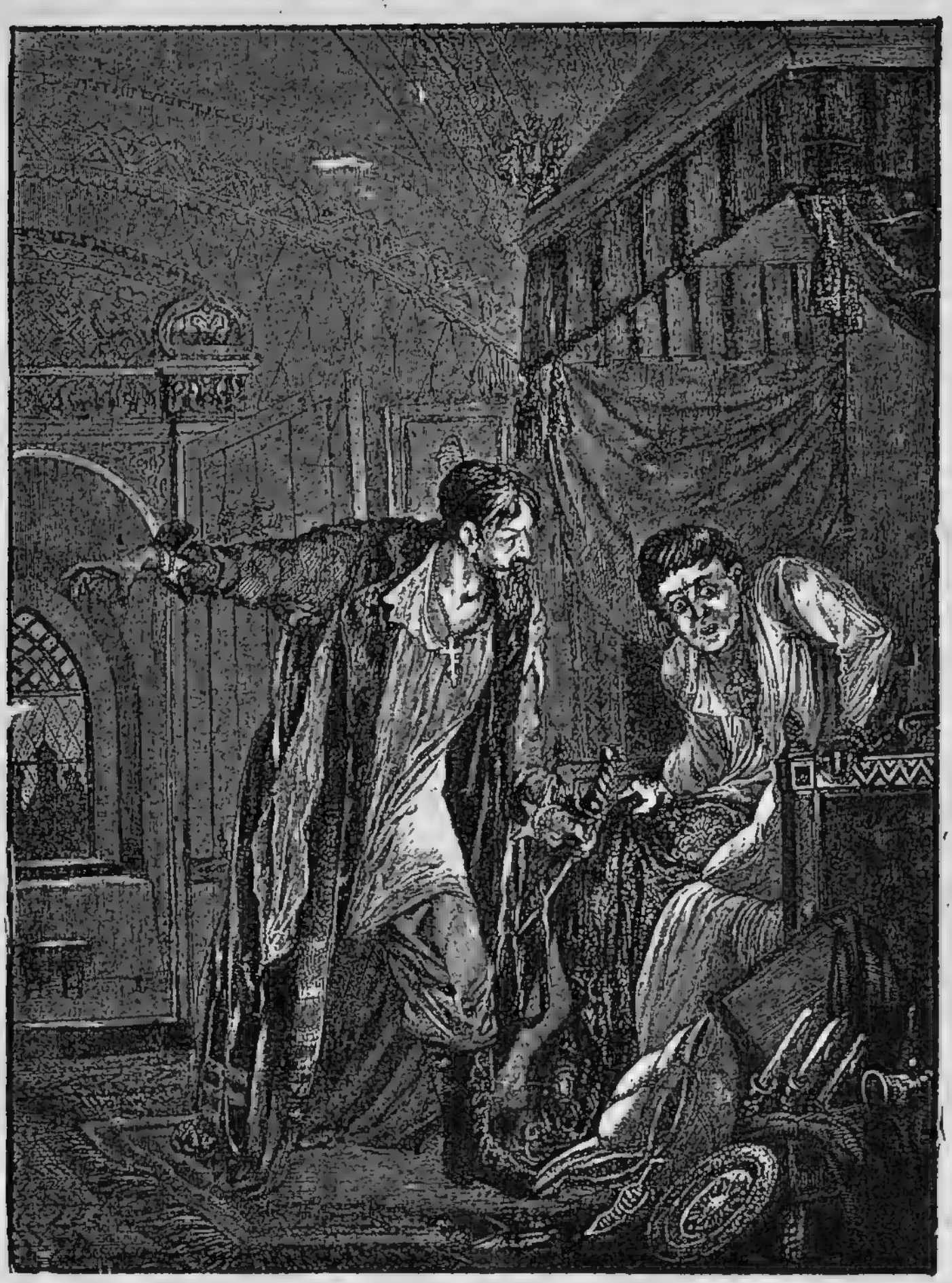
католическими духовными лицами, — все это лучше всего было извѣстно боярамъ.

Высшее православное духовенство также съ тревогой смотрѣло на Лжедимитрія. Казанскій митрополитъ Гермогенъ и коломенскій епископъ Іосифъ требовали, чтобы Марина Мнишекъ до бракосочетанія съ царемъ и коронованія крещена была въ православную вѣру. Только благодаря настояніямъ патріарха Игнатія, осталь-

Совѣщаніе въ домѣ кн. Василія Шуйскаго. Съ рис. А. Земцева (изъ «Нивы»).

ные архіереи согласились удовольствоваться присоединеніемъ ея къ православной церкви черезъ миропомазаніе и причащеніе по православному обряду.

Въ боярскомъ заговорѣ противъ Лжедимитрія участвовали по преимуществу бояре княжескаго происхожденія. Душою заговора сталъ князь Василій Шуйскій. Еще до прибытія Лжедимитрія въ Москву, онъ разглашалъ въ народѣ, что самозванецъ — не царевичъ Димитрій, а воръ — разстрига, передавшійся полякамъ и желавшій разорить православную вѣру. Шуйскій при-



Послѣднее утро самозванца.

говоренъ былъ тогда къ отсѣченію головы; но Лжедимитрій на мѣстѣ казни помиловалъ его: замѣнилъ смертную казнь ссылкой, а потомъ и изъ ссылки возвратилъ его въ Москву. Шуйскіе и ихъ приверженцы, уже осенью 1605 года, опять стали подготовлять заговоръ противъ Лжедимитрія. Шуйскіе стянули въ Москву изъ своихъ вотчинъ преданныхъ имъ людей,

привлекли на свою сторону часть торговыхъ людей и часть рати, собранной самозванцемъ для войны съ турками. Въ мартѣ 1606 года, броженіе проявилось и среди московскихъ стрѣльцовъ: нѣкоторые изъ нихъ говорили, что царь разоряетъ православную вѣру.

Пріѣздъ Марины Мнишекъ въ Москву (2 мая) съ двухтысячнымъ отрядомъ вооруженныхъ поляковъ, гордое и заносчивое ихъ поведеніе, непрерывный рядъ невиданныхъ въ Москвѣ праздниковъ и увеселеній,— все это вызывало тревогу въ русскомъ населеніи, усиливало давно зародившіяся опасенія. Самая коронація Марины и тотчасъ же послѣ нея совершившееся бракосочетаніе ея съ Лжедимитріемъ (8 мая) только увеличили тревогу. Марина была миропомазана и причастилась св. Таинъ изъ рукъ патріарха; но для всѣхъ было ясно, что она попрежнему осталась католичкой, причастившись лишь для виду и миропомазавшись, какъ царица. Польскія же празднества всякаго рода, и притомъ съ постояннымъ участіемъ въ нихъ царя и царицы, потекли неудержимой и шумной рѣкой. Среди этой головокружительной суматохи князю Василію Шуйскому чрезвычайно удобно было привести въ исполненіе свой замыселъ. Лжедимитрій, отличавшійся вообще большою самонадѣянностію, въ этомъ чаду увеселеній совсѣмъ потерялъ голову: онъ съ насмѣшкой отстранялъ всякія предостереженія насчетъ заговора, въ томъ числѣ и предупрежденія своего тестя.

На разсвѣтѣ, 17 мая 1606 года, заговорщики набатнымъ звономъ подняли тревогу въ разныхъ частяхъ столицы. Въ толпу пущены были самые разнородные слухи: одни кричали, что въ Кремлѣ пожаръ, другіе,— что поляки хотятъ перебить бояръ, третьи, — что они намѣреваются убить самаго царя, четвертые звали на защиту православной вѣры отъ поляковъ. Толпа волновалась.

Василій Шуйскій во главѣ двухсотъ довѣренныхъ бояръ и дворянъ ворвался въ Кремль, обезоруживши малочисленную, почти не вооруженную стражу. За нимъ двинулась туда и толпа всякихъ сбитыхъ съ толку людей. Заговорщики проникли во дворецъ. Лжедимитрій думалъ спастись бѣгствомъ и выскочилъ изъ окна во дворъ, отдавая себя подъ защиту находив-

шихся здѣсь стрѣльцовъ. Стрѣльцы готовы были защищать его. Но толпа заговорщиковъ явилась и сюда, схватила самозванца и отнесла обратно во дворецъ, гдѣ и покончила съ нимъ. Въ это же время повсюду въ Москвѣ народная толпа бросалась на занятые поляками дома, избивала ихъ, грабила ихъ имущество. Съ большимъ трудомъ удалось прекратить кровопролитіе.

6.

Царь Василій Шуйскій.

На третій день послѣ убійства Лжедимитрія, князь Василій Ивановичъ Шуйскій вступилъ на престолъ. Но онъ возведенъ былъ на царство не земскимъ соборомъ, а кучкой бояръ, торговыхъ и иныхъ преданныхъ ему людей.

Бояре говорили народу, что князья Шуйскіе ведутъ свой родъ отъ Рюрика, что они — потомки того же святого князя Александра Невскаго, отъ котораго пошелъ и старый московскій царскій родъ. Бояре указывали и на то, что князь Василій спасъ Русское царство отъ еретика-разстриги, замышлявшаго отдать Польшѣ нѣкоторыя русскія области и искоренить православную вѣру. Толпа провозгласила Шуйскаго царемъ. Прямо съ Красной площади онъ и отправился вмѣстѣ съ нею въ Успенскій соборъ. Здѣсь новый царь, послѣ принесенія ему присяги, объявилъ, что желаетъ и самъ присягнуть народу въ томъ, что не будетъ никого предавать смерти, не осудивши его истиннымъ судомъ съ боярами своими, что онъ не станетъ отбирать въ казну имущество у женъ и дѣтей осужденныхъ на смерть преступниковъ, если жены и дѣти ихъ не участвовали въ преступленіяхъ. Новый царь обѣщалъ не слушать доносовъ. Находившіеся въ соборѣ люди просили его не приносить присяги, потому что на Руси цари никогда не присягали народу. Шуйскій, все-таки, присягнулъ въ томъ, что и безъ присяги долженъ былъ соблюдать. Онъ присягнулъ, надо думать, потому, что бояре взяли съ него уже раньше, до избранія на царство, такое обязательство.

Народъ такъ и понялъ это дѣло. Въ населеніи пошли толки, что Василій Ивановичъ, боярскій царь.

Царь Василій Ивановичъ, вступившій на престолъ уже пожилымъ человѣкомъ (50-ти лѣтъ), — отъ природы умный и находчивый, — сразу же сталъ принимать мѣры къ тому, чтобы укрѣпить свою власть. Онъ смѣнилъ патріарха — грека Игнатія, котораго русскіе считали потаковникомъ Лжедимитрія, и хотѣлъ было возвести на патріаршій престолъ Ростовскаго митрополита Филарета Никитича Романова, но потомъ отказался отъ этого намѣренія: до него дошли вновь появившіеся въ Москвѣ толки о правахъ Романовыхъ на царскій престолъ. На патріаршій престолъ возведенъ былъ великій ревнитель православія, казанскій митрополитъ Гермогенъ.

3-го іюня состоялось торжественное перенесеніе въ Москву мощей св. царевича Димитрія. За ними посланъ былъ въ Угличъ митрополитъ Филаретъ Никитичъ. Самъ царь со всѣмъ освященнымъ соборомъ и боярской думой вышелъ имъ навстрѣчу. Въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ поставлена была рака съ святыми мощами, царица — инокиня Марѳа всенародно исповѣдывала, что она тяжко согрѣшила, признавши самозванца своимъ сыномъ. Перенесеніе мощей царевича Димитрія въ Москву разсѣяло въ самой столицѣ туманъ, все еще окутывавшій его имя.

Не то было въ другихъ мѣстахъ. Слухи о новомъ спасеніи царевича Димитрія нашли себѣ полную вѣру тамъ, гдѣ встрѣтилъ незадолго передъ этимъ сильную поддержку самозванецъ. Въ Сѣверской Украйнѣ извѣстіе о гибели его произвело удручающее впечатлѣніе: она все еще ждала отъ него желанныхъ ей перемѣнъ и, конечно, не надѣялась получить ихъ отъ вступившаго на престолъ боярскаго царя. По всей южной пограничной полосѣ началось опасное движеніе въ народѣ.

Населеніе Сѣверской Украйны не захотѣло признать Василія Ивановича царемъ. Противъ него возстали воеводы: путивльскій князь Шаховской и Черниговскій князь Телятевскій. Поведеніе воеводъ сильно повліяло на все пограничное населеніе, особенно на мелкихъ военныхъ служилыхъ людей. Многіе изъ тѣхъ, кто раньше сражался за мнимаго царевича Димитрія,

встали и теперь на защиту его, какъ только прошелъ слухъ, что онъ спасся отъ смерти. Хотя еще никто не принялъ на себя имени царя Димитрія, но легковѣрные люди всюду собирались, чтобы итти въ Москву противъ похитителя царской власти. Къ этимъ искренно заблуждавшимся людямъ присоединялись толпы всякаго разбойничьяго сброда, обрадовавшагося случаю пограбить чужое добро.

Лѣтомъ 1606 года возстаніе охватило всю южную пограничную полосу. Центромъ возстанія сталъ г. Путивль, а главнымъ предводителемъ—холопъ князя Телятевскаго Иванъ Болотниковъ. Когда-то онъ побывалъ въ плѣну у татаръ, долго жилъ среди турокъ въ тяжеломъ рабствѣ, потомъ бѣжалъ въ Польшу. Здѣсь онъ жилъ въ Самборѣ у жены Юрія Мнишка. Въ Путивль же онъ явился съ радостною вѣстью, будто царь Димитрій Іоанновичъ благополучно прибылъ изъ Москвы въ Самборъ, и онъ, Болотниковъ, самъ своими глазами видѣлъ царя. На самомъ дѣлѣ, Болотниковъ видѣлъ въ Самборѣ Молчанова—одного изъ бѣжавшихъ изъ Москвы приближенныхъ Лжедимитрія.

Царь Василій Шуйскій.

Чтобы привлечь на свою сторону злыхъ людей изъ низшихъ сословій, Болотниковъ призывалъ въ своихъ грамотахъ крестьянъ и холоповъ къ убійству землевладѣльцевъ, къ насилію надъ ихъ женами и дочерьми, къ грабежу имущества, обѣщая убійцамъ и насильникамъ вотчины и помѣстья убитыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ призывалъ ихъ къ избіенію воеводъ и дьяковъ и торговыхъ людей.

Уже тогда Россіи грозила внутренняя междуусобная рѣзня! Но зловѣщія тучи въ то время только еще начи-

нали собраться надъ Русью. Разбойничьи грамоты Болотникова пока не имѣли силы.

Изъ Путивля Болотниковъ съ своими полчищами двинулся къ Кромамъ. Стоявшій тутъ отрядъ царскаго войска отступилъ. Отошелъ и другой отрядъ московской рати, находившійся у г. Ельца, гдѣ Лжедимитрій заготовилъ много запасовъ и продовольствія для войны съ турками. Все это попало теперь въ руки Болотникова. Между тѣмъ, служившіе въ царскихъ отрядахъ дворяне разъѣхались почти всѣ по домамъ.

Полчища Болотникова вступили въ Тульскую область, гдѣ сейчасъ же поднялось возстаніе. Многіе здѣшніе дворяне по образу жизни и достатку мало отличались отъ мелкихъ служилыхъ людей Сѣверской Украйны. Примкнувъ подъ начальствомъ Пашкова къ возстанію, они увеличили военныя силы Болотникова и вмѣстѣ съ ними пошли на Серпуховъ.

Броженіе перекинулось въ Рязанскую область. Здѣсь возстало все помѣстное дворянство, въ томъ числѣ и крупное, съ Сумбуловымъ и Прокопіемъ Ляпуновымъ во главѣ. Мелкіе и средніе по достатку рязанскіе дворяне боялись, что боярскій царь позволитъ крупнымъ землевладѣльцамъ переманивать къ себѣ ихъ крестьянъ. Крупные же рязанскіе помѣщики опасались, что московскіе бояре, держа въ своихъ рукахъ царя, совсѣмъ преградятъ для нихъ доступъ ко Двору и высшимъ должностямъ, которыя они стали получать со временъ Іоанна Грознаго. Возставшіе рязанскіе дворяне двинулись къ Москвѣ на Коломну.

Послѣ взятія Серпухова и Коломны, обѣ части мятежнаго ополченія соединились и пошли къ Москвѣ. Царская рать хотѣла загородить имъ дорогу, но потерпѣла неудачу. Въ половинѣ октября 1606 года грозное ополченіе заняло село Коломенское (въ 7 верстахъ отъ Москвы) и начало осаду Москвы.

Возстаніе противъ царя Василія стало распространяться и въ другихъ мѣстахъ. Нѣкоторые города по пути изъ Москвы въ Тверь измѣнили ему. Тверь осталась вѣрной Василію Шуйскому, только благодаря епископу Θеоктисту. Началось движеніе и на средней Волгѣ. Отпали отъ царя Василія города Арзамасъ (нынѣ Нижегородской губ.) и Алатырь (Симбир. губ.).

Возмутилась мордва, жившая въ этихъ мѣстахъ. Мордовское ополченіе, соединившись съ русскими мятежниками, осаждало Нижній-Новгородъ, хотя и безуспѣшно. Казань удержалъ въ вѣрности царю Василію митрополитъ Ефремъ, но близкій къ Казани Свіяжскъ измѣнилъ ему. Въ Астрахани поднялъ возстаніе воевода князь Хворостининъ. Началось волненіе среди инородцевъ въ Пермской и Вятской областяхъ.

Кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій
(изъ «Древн. Рос. Госуд.» Солнцева).

Положеніе Василія Ивановича въ самой Москвѣ стало очень опаснымъ, такъ какъ войска подъ рукою у него было немного. Въ эти тяжелые дни патріархъ Гермогенъ былъ для него главною поддержкою. Первосвятитель заповѣдалъ постъ съ 14 до 19 октября, всѣмъ отъ мала до велика, и совершилъ всенародное моленіе объ избавленіи царствующаго града отъ злыхъ разбойниковъ и кровопійцъ. Это подняло духъ московскаго населенія и укрѣпило его въ вѣрности къ царю. Въ то же время, патріархъ въ своихъ грамотахъ разъяснилъ москвичамъ, что̀ за люди стоятъ въ Коломенскомъ, какіе на умѣ у нихъ злые замыслы. Московское населеніе поняло, чѣмъ грозятъ ему мятежныя полчища Болотникова.

Понемногу образумились и стоявшіе въ Коломенскомъ рязанскіе и иные дворяне. Они увидѣли, что сами себѣ готовятъ гибель. Первый прозрѣлъ Прокопій Ляпуновъ. Онъ раскрылъ дворянамъ глаза, оставилъ вмѣстѣ съ Сумбуловымъ Коломенское и примирился съ царемъ Василіемъ. Уходъ Ляпунова изъ Коломенскаго ослабилъ силы мятежнаго ополченія. Между тѣмъ въ Москву, по зову царя, стали подходить вѣр-

БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

ныя ему рати изъ Смоленской области, изъ Ржевскаго уѣзда, изъ Двинской земли.

Василій Ивановичъ рѣшилъ вступить въ бой съ Болотниковымъ. 2-го октября утромъ патріархъ Гермогенъ отслужилъ у раки царевича Димитрія молебенъ и окропилъ святой водой ратныхъ людей. Самъ царь на конѣ выѣхалъ въ поле. Войско храбро бросилось въ бой. Изъ воеводъ отличился особенно царскій двоюродный племянникъ Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Во время сраженія Пашковъ со своимъ отрядомъ перешелъ на сторону царя. Это рѣшило исходъ битвы. Болотниковъ отступилъ за окопы и еще три дня отбивался, но царскіе воеводы усиленнымъ артилерійскимъ огнемъ заставили его бѣжать изъ Коломенскаго. Множество бывшихъ подъ его начальствомъ людей захвачено въ плѣнъ и казнено.

Царь Василій двинулъ свои войска подъ Тулу, куда бѣжалъ Болотниковъ. Борьба опять затянулась. Вокругъ бунтовщика въ Тулѣ собирались новыя толпы бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ, а также мелкихъ служилыхъ людей Сѣверской Украйны. Къ нимъ присоединились отряды донскихъ, волжскихъ и даже терскихъ казаковъ.

Терскіе казаки пришли сюда съ новымъ страннымъ самозванцемъ—Лжепетромъ: казакъ Илейка принялъ на себя имя никогда не существовавшаго царевича Петра Ѳеодоровича, мнимаго племянника самозваннаго царя Димитрія Іоанновича. Казаки съ Лжепетромъ во главѣ производили по всему пути своему страшныя разоренія, грабежи, убійства, насилія. Въ Тулѣ, подъ начальствомъ Болотникова, опять было до двадцати тысячъ человѣкъ.

Самъ царь пріѣхалъ къ Тулѣ. Его рать нѣсколько мѣсяцевъ осаждала городъ. Болотниковъ и казаки отчаянно защищались. Въ началѣ октября 1607 года осаждавшіе устроили плотину и затопили Тулу. Болотниковъ и Лжепетръ со всѣми своими полчищами вынуждены были сдаться на милость побѣдителей. Лжепетръ казненъ, а Болотниковъ отправленъ въ ссылку, гдѣ его утопили.

Въ это время остальные царскіе отряды преслѣдовали мятежныя шайки въ другихъ мѣстахъ. Василій

Ивановичъ велѣлъ не щадить никого. Много городовъ и селъ подверглось полному разоренію, особенно со стороны бывшихъ въ царскихъ войскахъ свирѣпыхъ татаръ и черемисовъ.

Многія сотни людей, взятыхъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, подверглись казни. Обширный край дважды разоренъ и опустошенъ: сначала грабительскими полчищами, потомъ царскими войсками.

Вражда между приверженцами Василія и мнимаго Дмитрія,—вражда высшаго и низшаго сословій, служилыхъ и тяглыхъ людей,—еще сильнѣе разгорѣлась во всемъ краѣ. Напрасно Василій Ивановичъ издавалъ строгіе законы относительно холоповъ и крестьянъ. Волненіе и общее замѣшательство къ югу отъ Москвы не прекращались. Однако, царь Василій послѣ тульской побѣды распустилъ ратныхъ людей по домамъ,—вмѣсто того, чтобы двинуть ихъ далѣе на югъ, въ Сѣверскую Украйну, и разорить тамъ самое гнѣздо крамолы. Онъ думалъ, что бунтъ совсѣмъ уже кончился.

7.

Тушинскій воръ.

Царь Василій Шуйскій жестоко ошибся. Уже въ то время, когда онъ осаждалъ Тулу, въ городѣ Стародубѣ-Сѣверскомъ (нынѣ Черниговской губ.) явился новый мнимый Димитрій Іоанновичъ. Это былъ какой-то проходимецъ, бѣжавшій изъ Литвы, изъ города Пропойска (нынѣ Могилевской губ.), гдѣ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. По виду онъ нѣсколько походилъ на убитаго въ Москвѣ Лжедимитрія, но совсѣмъ не имѣлъ его смѣлости и военнаго духа: это былъ человѣкъ грубый, грязный, сквернословный. Тѣмъ не менѣе, Стародубъ, не видавшій въ свое время перваго самозванца, призналъ этого проходимца царемъ Димитріемъ. Слишкомъ уже долго его ждала Сѣверская Украйна: она рада была пойти за всякимъ нахаломъ, который приметъ на себя желанное имя.

Къ осени 1607 года, въ Стародубѣ къ новому Лжедимитрію собралось изъ ближайшихъ мѣстъ Сѣверской Украйны до трехъ тысячъ мятежныхъ людей.

Съ ними самозванецъ двинулся на сѣверо-востокъ, къ осажденной царскимъ войскомъ Тулѣ, но на пути узналъ о побѣдѣ царя Василія. Самозванецъ повернулъ назадъ, бѣжалъ въ Орелъ. Царь Василій не придавалъ ему значенія и потому не преслѣдовалъ его. Это позволило самозванцу собрать вокругъ себя новыя и гораздо уже большія военныя силы. Къ нему примкнули уцѣлѣвшіе остатки полчищъ Болотникова. Главнымъ начальникомъ надъ этою ратью сталъ донской атаманъ Иванъ Заруцкій, сражавшійся еще съ Болотниковымъ противъ царя Василія.

Въ то же время стали подходить къ самозванцу польскіе военные отряды. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было болѣе тысячи человѣкъ. Князь Романъ Рожинскій привелъ около четырехъ тысячъ человѣкъ. Вообще польскихъ и литовскихъ военныхъ людей явилось ко второму самозванцу гораздо больше, чѣмъ къ первому. Нѣкоторые изъ нихъ хотѣли отомстить царю Василію и русскимъ вообще за смерть своихъ соотечественниковъ въ Москвѣ, а большая часть искала легкой наживы и военныхъ приключеній. Множество такого рода людей оказалось въ Польшѣ лѣтомъ 1606 г., когда окончился «рокошъ». Хотя король одержалъ побѣду надъ рокошанами, но опасался новыхъ возмущеній, и очень былъ радъ спровадить ихъ подальше. Къ намъ, на Русь, подъ предлогомъ возвращенія царскаго престола прирожденному государю, шли тысячи отъявленныхъ польскихъ головорѣзовъ.

Всю осень и зиму собирались къ самозванцу русскіе и поляки, жаждавшіе крови и добычи. Онъ видѣлъ, что русскую часть его войска составляютъ преимущественно бѣглые, обозленные, разнузданные холопы и крестьяне, и потому въ своихъ грамотахъ началъ призывать этихъ воровъ, какъ ихъ тогда въ Москвѣ называли, къ грабежу и разбою: совѣтовалъ избивать противящихся ему дворянъ, обѣщалъ убійцамъ дома ихъ и земли́, женъ ихъ и дочерей. Новые ужасы разоренія и смерти грозили несчастной Россіи.

Самозванецъ съ Рожинскимъ, главнымъ начальникомъ его войска, весной 1608 года, двинулся изъ Орла на сѣверъ. Московское войско, бывшее подъ на-

чальствомъ царскаго брата, Димитрія Шуйскаго, пытался загородить ему дорогу, но подъ городомъ Болховомъ (Орловской губ.) потерпѣло неудачу. Самозванецъ не пошелъ дальше на сѣверъ старою, разоренною дорогою, которою недавно ходилъ къ Москвѣ Болотниковъ и на которой поджидало его новое царское войско. Онъ двинулся въ обходъ этого войска, болѣе западною дорогою, прямо на Калугу и Можайскъ. Полчища самозванца быстро сдѣлали этотъ переходъ. Царская рать не успѣла передвинуться на западъ и загородить имъ путь. Въ началѣ іюня 1608 года второй Лжедимитрій подошелъ къ Москвѣ. Онъ расположился лагеремъ въ селѣ Тушинѣ (въ 12 верстахъ къ западу отъ Москвы). Сюда постоянно подходили новые польскіе и казацкіе отряды. Янъ Сапѣга привелъ съ собою изъ Литвы семь тысячъ человѣкъ. Все войско второго Лжедимитрія простиралось до ста тысячъ человѣкъ.

Самозванецъ, прозванный въ Москвѣ Тушинскимъ воромъ, пытался взять Москву приступомъ, но потерпѣлъ полную неудачу. Тогда онъ рѣшилъ облокжить столицу со всѣхъ сторонъ своимъ войскомъ, прекратить подвозъ въ нее съѣстныхъ припасовъ и голодомъ принудить къ сдачѣ.

Прекратить сношенія Москвы съ сѣверными областями ему удалось; но взять Коломну и прекратить подвозъ хлѣба въ Москву изъ Рязанской области не хватило силъ и умѣнія у его воеводъ. При защитѣ Коломны особенно отличился князь Пожарскій. Потерявши надежду взять скоро Москву изморомъ, Тушинскій воръ рѣшилъ оставить ее на время въ покоѣ. Вмѣсто того, онъ задумалъ подчинить своей власти всѣ другія области. Когда вся Россія покорится, — мечталъ онъ — тогда Москва поневолѣ признаетъ его царемъ. Польскимъ головорѣзамъ и русскимъ ворамъ такое рѣшеніе, конечно, пришлось по душѣ: въ нетронутыхъ еще смутою областяхъ ихъ ждала такая богатая добыча!

Къ югу отъ Москвы одна Рязанская область оставалась вѣрной царю Василію, хотя и она была опустошена польскимъ полковникомъ—забіякой Лисовскимъ и русскими ворами. Всѣ остальныя земли къ югу отъ столицы находились во власти самозванца. Дошла те-

перь очередь и до областей, лежавшихъ къ сѣверу отъ Москвы.

Для покоренія ихъ, воръ отрядилъ Яна Сапѣгу съ Лисовскимъ. Взявши городъ Дмитровъ, они направились къ знаменитой Троице-Сергіевой обители. Ихъ влекли сюда слухи о якобы несмѣтныхъ монастырскихъ богатствахъ. Обитель расположена на главной, Ярославской, дорогѣ изъ Москвы на сѣверъ; къ монастырю сходились и другія важныя и торговыя дороги. Обитель преподобнаго Сергія Радонежскаго издавна свято чтилась всѣми русскими людьми. Не удалось Тушинскому вору овладѣть Москвой съ ея святынями,—захотѣлось ему поскорѣе имѣть на своей сторонѣ великую обитель съ ея святынями. Тушинскій воръ питалъ и особую злобу противъ монаховъ этой обители за то, что они напали на гонцовъ, развозившихъ по сѣвернымъ областямъ его грамоты.

23 сентября 1608 года, Сапѣга съ Лисовскимъ подошли къ обители. Нѣсколько дней они готовились къ приступу. Наконецъ, 3 октября, открыли огонь по монастырю, бросали изъ орудій бомбы и каменныя ядра. Стрѣльба продолжалась десять дней, но мало причинила вреда обители: орудія были малаго калибра, бомбы и ядра не долѣтали, а если нѣкоторыя и долетали, то не могли пробить толстыхъ и крѣпкихъ монастырскихъ стѣнъ.

13 октября, послѣ ночного пиршества, осаждавшее войско пошло на новый приступъ; но осажденные встрѣтили его такимъ сильнымъ огнемъ изъ пушекъ и пищалей, что враги должны были отступить. Царскаго войска въ монастырѣ было не много. Въ помощь ему вооружались сосѣдніе крестьяне, искавшіе за монастырскими стѣнами спасенія отъ воровскихъ шаекъ; иноки, не достигшіе старости, превращались въ воиновъ. Даже женщины помогали, чѣмъ могли, оборонѣ. Нѣсколько дней спустя, осаждавшіе сдѣлали ночью еще новый приступъ, зажегши предварительно посредствомъ хвороста и соломы сосѣдній съ монастыремъ деревянный дворъ; но осажденные, при свѣтѣ пожара, мѣтко стрѣляли изъ своихъ пушекъ и бросали на врага съ башенъ начиненные порохомъ кувшины. Приступъ опять не удался.

Тогда Сапѣга задумалъ взять обитель тайнымъ подкопомъ подъ монастырскую стѣну. Ужасъ напалъ на защитниковъ святой обители, когда они узнали отъ одного плѣнника о подкопѣ. Архимандритъ Іоасафъ и старцы монастырскіе старались упавшихъ духомъ ободрить надеждою на заступничество преподобнаго

Патріархъ Гермогенъ.

Сергія. Спустя нѣсколько дней, одинъ плѣнный казакъ указалъ мѣсто подкопа. Чтобы уничтожить его, осажденные нѣсколько разъ дѣлали вылазки, дорого имъ стоившія. Наконецъ, удалось найти устье подкопа, который уже былъ наполненъ порохомъ, но еще не закрытъ.

Два крестьянина, Шиловъ и Слата, вскочили на подкопъ и подожгли порохъ. Подкопъ взорвало. Храб-

рецы погибли. Геройская, самоотверженная смерть ихъ спасла монастырь.

Это было уже въ половинѣ ноября. Наступило холодное время. Сапѣга рѣшилъ остаться на зиму подлѣ обители, въ нарочно построенныхъ избахъ и землянкахъ. Войско его ни въ чемъ не терпѣло недостатка, постоянно получая запасы изъ сосѣднихъ областей.

Не таково было положеніе защитниковъ обители. Изъ-за большого скопленія народа, для многихъ не хватало теплаго помѣщенія. Тѣснота была страшная. Появились болѣзни. Каждый день, съ утра до ночи, раздавался плачъ и похоронное пѣніе. Особенно страдали осажденные отъ недостатка топлива. Приходилось дѣлать опасныя вылазки въ сосѣдніе лѣса. Чуть ли не каждая охапка дровъ оплачивалась смертью кого-либо изъ храбрецовъ.

Царь Василій не могъ оказать обители большой помощи. Однако, по настоянію патріарха Гермогена, онъ послалъ къ монастырю, все-таки, небольшой отрядъ, человѣкъ въ шестьдесятъ, съ двадцатью пудами пороха. Въ половинѣ февраля 1609 года, этотъ отрядъ счастливо пробрался въ монастырь. Осажденные мужественно и терпѣливо переносили всѣ невзгоды, не желая отдать святого мѣста на поруганіе иновѣрцамъ.

Съ наступленіемъ весны Сапѣга и Лисовскій стали готовиться къ новому нападенію. Два раза, 28 мая и 28 іюня, ночью ходили они на приступъ, но оба раза неудачно. Осажденные,—хотя и сильно уменьшившіеся за зиму въ числѣ, даже женщины,—оказали отчаянное сопротивленіе; не только неустанно стрѣляли изъ пушекъ и пищалей, но и бросали сверху со стѣнъ бревна и камни, обливали кипяткомъ, засыпали глаза толченою известью. Враги должны были оба раза отступить съ большимъ урономъ, бросивши стѣнобитныя орудія. Осада послѣ этого продолжалась еще нѣсколько мѣсяцевъ, но на приступы поляки уже не рѣшались.

Неудачная осада Троице-Сергіевой обители не помѣшала дальнѣйшему покоренію Тушинскимъ воромъ—сѣверной Руси, хотя нѣкоторыя силы его и отвлекла. Неукротимый Лисовскій не разъ и самъ бросалъ монастырь и уѣзжалъ завоевывать тѣ или другія мѣста.

Въ теченіе 1608 и 1609 годовъ покорилось вору громадное пространство земли къ сѣверу отъ Москвы, начиная отъ Балахны (нынѣ Нижегородской губ.) и Кинешмы (Костромской губ.)—на востокѣ, до Пскова, Ивангорода (С.-Петербургской губ.) и Орѣшка (нынѣ городъ Шлиссельбургъ, С.-Петербургской губ.)—на западѣ. На сѣверѣ крайними городами, покорившимися самозванцу, были Вологда и Тотьма (Вологодской губ.). На западѣ только Смоленскъ съ его уѣздомъ да Новгородъ (новгородскіе пригороды признали власть самозванца) остались вѣрны царю Василію. Не измѣнило ему и все сѣверное Поморье. На востокѣ Нижній-Новгородъ и Казань не покорились Тушинскому вору, но мордва, черемисы и чуваши волновались. По мѣстамъ инородцы поднимали даже открытое возстаніе. Они взяли Козьмодемьянскъ (Казанской губ.), подступали и къ Казани, и къ Нижнему, овладѣли прямой дорогой изъ него въ Вятку. Къ нимъ присоединилось не мало и русскихъ измѣнниковъ.

Царь Василій, самъ осажденный въ Москвѣ, не могъ подать помощи областямъ, подвергшимся нападенію тушинскихъ отрядовъ. Каждый городъ защищался отдѣльно. Притомъ же, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣлись, независимо отъ самозванщины, особыя причины для народныхъ волненій: напр., во Псковѣ были недовольны царскими намѣстниками, инородцы Поволжья—русскими земельными порядками. Въ иныхъ городахъ сидѣли воеводы—измѣнники (напр., въ Орѣшкѣ Мих. Салтыковъ).

Грамоты Тушинскаго вора вездѣ поднимали противъ лучшихъ людей городскую чернь, еще не извѣдавшую польско-воровскихъ порядковъ, обѣщая ей всякія милости отъ прирожденнаго царя Димитрія. Большинство городовъ добровольно подчинилось Тушинскому вору, не видя ниоткуда спасенія. Но въ нѣкоторыхъ городахъ и тогда оказались люди, твердо пре данные законному государю. Когда ожидались вт Ростовѣ отряды Тушинскаго вора, лучшіе ростов жіе люди рѣшили бѣжать въ Ярославль и приглашали къ тому же и своего митрополита Филарета Никитича, но святитель объявилъ, что онъ не покинетъ храмъ Пречистой Богородицы и Ростовскихъ чу-

дотворцевъ, и увѣщевалъ народъ остаться въ городѣ и защищать свою вѣру и своего государя. Многіе ростовцы все-таки уѣхали въ Ярославль.

Тогда Филаретъ вошелъ въ соборную церковь и облачился въ святельскія одежды. Народъ столпился у церкви. Митрополитъ велѣлъ священникамъ причащать людей. Тушинцы ворвались въ храмъ Божій и стали избивать людей. Соборъ разграбили. Серебряную раку св. Леонтія разрубили на части и раздѣлили между собой по жребію. Съ митрополита сорвали священныя одежды, одѣли его въ сермягу, покрыли голову татарскою шапкою и, посадивши на возъ, повезли въ Тушино. Но самозванецъ принялъ Филарета Никитича ласково, какъ своего мнимаго родственника, даже велѣлъ именовать его патріархомъ.

8.

Кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій.

Когда тушинцы стали покорять области къ сѣверу отъ Москвы, военно-служилые дворяне, собранные изъ этихъ областей въ столицу, разошлись по своимъ мѣстамъ. Число защитниковъ Москвы значительно убавилось.

Положеніе царя Василія стало еще болѣе опаснымъ. Онъ рѣшилъ обратиться за помощью къ Швеціи, враждебно настроенной противъ Польши. Толпы поляковъ, поступившихъ на службу ко второму самозванцу, давно уже возбуждали у шведовъ тревогу; Швеція побаивалась, какъ-бы Польша не завоевала Россіи. Царь отправилъ своего племянника князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ. Здѣсь Скопинъ завязалъ черезъ своихъ посланцевъ сношенія со шведскимъ королемъ Карломъ IX. Карлъ согласился отпустить пятитысячный отрядъ за условленную плату, но съ тѣмъ, чтобы Россія уступила ему городъ Корелу (нынѣ Кексгольмъ, Выборгской губ.) съ уѣздомъ и заключила со Швеціею оборонительный союзъ противъ Польши. Конечно, этимъ шведскій король не собирался удовлетвориться: уже тогда онъ замышлялъ завоевать Новгородъ и Псковъ.

Весной 1609 года шведскій отрядъ, подъ предводительствомъ молодого, но уже прославившагося генерала Делагарди, вступилъ въ Новгородъ. Князь Скопинъ-Шуйскій къ его приходу собралъ три тысячи русскихъ ратниковъ.

Нашъ даровитый витязь, получивши въ свое распоряженіе военную силу, тотчасъ же сталъ ниспровергать тушинскую власть всюду, гдѣ она утверждалась. Новгородскіе пригороды, одинъ за другимъ, охотно сбрасывали съ себя эту власть, а Мих. Салтыковъ бѣжалъ изъ Орѣшка, при одной вѣсти о движеніи Делагарди. Когда соединенное русско-шведское войско двинулось изъ Новгорода въ походъ, за новгородскими пригородами послѣдовали и тверскіе. Подъ Торжкомъ присоединились къ Скопину смоленскіе отряды. Только Псковъ не послѣдовалъ общему примѣру. Не желая терять времени, Скопинъ и Делагарди оставили его въ покоѣ. Попытки тушинскихъ воеводъ, подъ Старой Руссой, Торжкомъ, Тверью и Калязинымъ монастыремъ задержать наступленіе Скопина-Шуйскаго и Делагарди, не имѣли успѣха.

Во время этого похода Скопину приходилось преодолѣвать большія препятствія. Нечѣмъ было платить шведскимъ наемникамъ, а они иначе не хотѣли итти дальше. Въ битвѣ подъ Калязинымъ монастыремъ сражались уже почти одни русскіе (ихъ было тогда около двадцати тысячъ); въ сраженіи принималъ участіе только одинъ шведскій полкъ, а остальные ушли обратно. Неутомимый Скопинъ-Шуйскій успѣлъ собрать деньги, и шведское войско воротилось.

Былъ уже конецъ сентября 1609 года. Скопинъ и Делагарди двинулись въ Александровскую слободу (нынѣ г. Александровъ, Владимірской губ.).

Побѣдоносное движеніе Скопина — Шуйскаго было встрѣчено общимъ народнымъ восторгомъ во всей сѣверной Руси.

Впрочемъ, возстаніе противъ Тушинскаго вора началось здѣсь даже раньше этого движенія. Власть вора вскорѣ стала очень тяжкой для населенія: подати и налоги въ пользу его далеко превышали прежніе; посылавшіеся за сборомъ ихъ изъ Тушина, военные отряды брали съ жителей все, что только можно было

захватить. Происходилъ открытый грабежъ. Вездѣ, куда ни появлялись тушинцы, стояли стонъ и плачъ.

Не довольствуясь грабежомъ имущества, поляки, казаки и русскіе воры избивали людей, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Народъ бѣжалъ въ лѣса, болота, пустыни, какъ во времена татарскихъ нашествій. Польскіе паны, большіе и малые, смотрѣли на сѣверную торгово-промышленную Русь, какъ на богатую добычу. Нѣкоторые изъ нихъ готовы были водвориться тамъ и на постоянное жительство. Всѣ они только и думали, что объ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ на счетъ порабощенныхъ жителей. Выходило, что Русь, признавшая царя Димитрія, попала въ тяжелое и обидное рабство, ежеминутно угрожавшее не только имуществу, но и чести, и жизни русскихъ людей.

Населеніе не могло съ этимъ примириться. Къ сѣверу отъ Волги народъ былъ не только болѣе богатый, но и болѣе самостоятельный, болѣе свободный: закрѣпощеніе крестьянъ тутъ менѣе было развито, а въ Поморьѣ его и совсѣмъ не было; не только городскіе, но и сельскіе тяглые люди привыкли тутъ сами устраивать свои дѣла.

Они дорожили своею русскою государственностью и привыкли въ ней одной видѣть залогъ своего благополучія. Городскимъ и сельскимъ людямъ тѣмъ легче было сговориться объ общихъ дѣйствіяхъ противъ новаго врага, что сѣверные города издавна жили одною общею жизнью со всѣми волостями своего уѣзда. Къ сѣверу отъ Волги у тяглыхъ сельскихъ людей не было и того враждебнаго чувства къ служилымъ людямъ—помѣщикамъ, какое въ такой сильной мѣрѣ проявилось въ серединныхъ областяхъ, вокругъ Москвы. Напротивъ, здѣсь между служилыми и тяглыми людьми установились добрыя отношенія.

Возстаніе противъ Тушинскаго вора быстро охватило всю сѣверную Русь.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и всѣ города ея, покорившіеся раньше вору, одинъ за другимъ отпали отъ него.

Движеніе противъ него перешло въ Нижегородскую область и сосѣднія съ ней мѣстности. Тушинскіе

отряды огнемъ и мечомъ спѣшили укротить возстаніе. По нѣсколько разъ они брали нѣкоторые города и усмиряли ихъ, но удержать окончательно въ своей власти, все-таки, не могли. Въ возстаніи противъ Тушинскаго вора принимали участіе и служилые, и тяглые люди; но тяглыхъ участвовало во много разъ больше, чѣмъ служилыхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ боролись съ тушинцами одни тяглые. Можно сказать—вся крестьянская сѣверная Русь поднялась въ защиту законнаго государя и радостно двинулась навстрѣчу своему любимцу, молодому витязю — Скопину-Шуйскому. Подъ Калязинымъ монастыремъ сѣверныя русскія рати присоединились къ его ополченію. Въ Александровскую слободу пришла къ нему нижегородская рать. Молодой вождь почувствовалъ теперь настоящую силу.

Не дожидаясь окончанія зимы, Скопинъ-Шуйскій двинулся на освобожденіе Троице-Сергіевой обители.

Прошло уже шестнадцать мѣсяцевъ отъ начала осады ея, а святая обитель держалась твердо. Сильно порѣдѣли ряды ея защитниковъ и отъ непріятельскаго огня, и отъ всякихъ болѣзней; но герои не сдавались, окрыленные надеждой на то, что преподобный Сергій не оставитъ своей обители до конца. Велика была радость осажденныхъ, когда въ началѣ января 1610 года подъ стѣнами обители показались передовые отряды освободительнаго войска. Эти отряды счастливо прорвались въ монастырь, и взять его полякамъ стало теперь гораздо труднѣе.

12 января Янъ Сапѣга снялъ осаду и ушелъ изъ-подъ Троицы.

Вслѣдъ затѣмъ ополченіе князя Скопина стало очищать отъ разбойничьихъ шаекъ, одну за другой, ближайшія къ Москвѣ мѣстности. Положеніе Тушинскаго вора становилось отчаяннымъ, тѣмъ болѣе, что большая часть служившихъ ему поляковъ оставила его, уйдя подъ Смоленскъ къ королю Сигизмунду. Опасаясь измѣны остальныхъ поляковъ, все болѣе угрожаемый приближавшимся ополченіемъ Скопина, самозванецъ, переодѣтый въ крестьянское платье, бѣжалъ тайкомъ въ Калугу. Туда же ушли къ нему

Защита Троице-Сергіевой лавры.
Съ карт. В. Верещагина.

изъ Тушина его полчища. Туда же бѣжала и Марина: отпущенная царемъ Василіемъ на родину, она перехвачена была на пути однимъ тушинскимъ отрядомъ и привезена въ Тушино къ самозванцу, котораго и должна была признать своимъ мужемъ. Остававшіеся въ Тушинѣ, подъ предводительствомъ Рожинскаго, поляки ушли въ Волоколамскъ.

Москва освободилась отъ долгой осады. 12 марта она съ шумною радостью встрѣчала своего избавителя.

Общій восторгъ царилъ въ столицѣ. У русскихъ людей явилась свѣтлая надежда на лучшіе дни. Всѣмъ хотѣлось вѣрить, что счастливый князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій поможетъ своему дядѣ-царю окончательно одолѣть внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ государства, что онъ принесетъ Русской землѣ давно желанный миръ и благоденствіе. У всѣхъ было одно желаніе: по смерти бездѣтнаго и немолодого уже царя увидѣть на престолѣ не другого кого изъ его рода, а только доблестнаго Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго.

9.

Сверженіе Василія Шуйскаго съ престола.

Свѣтлымъ надеждамъ на скорое успокоеніе Русской земли не суждено было сбыться.

Еще въ то время, когда Скопинъ-Шуйскій, для борьбы съ Тушинскимъ воромъ, собиралъ ополченіе, новый врагъ съ запада поднимался на насъ.

Польскій король Сигизмундъ рѣшилъ вмѣшаться въ междоусобіе на Руси, чтобы привести въ исполненіе свои давніе замыслы. Уже на сеймѣ 1607 года онъ намекалъ полякамъ, что настало время подумать имъ о себѣ.

Правда, лѣтомъ 1608 года король заключилъ съ царемъ Василіемъ мирный договоръ и обязался вывести изъ Московскаго государства польскихъ людей, служившихъ самозванцу. Но этотъ договоръ остался только на бумагѣ. Польскіе люди всѣ продолжали

находиться на службѣ у Тушинскаго вора, между тѣмъ какъ царь, согласно договору, отпустилъ на родину поляковъ, задержанныхъ въ Москвѣ послѣ убійства Лжедимитрія. Второй самозванецъ не обнаруживалъ никакой склонности къ римско-католической вѣрѣ и не могъ въ этомъ отношеніи быть ей болѣе полезнымъ, чѣмъ царь Василій. Выходило, такимъ образомъ, что изъ московскаго междоусобія никакой выгоды не извлекутъ ни Польша, ни римско-католическая церковь. Сигизмундъ и поляки не желали съ этимъ примириться. Военная помощь, оказанная шведскимъ королемъ царю Василію, послужила для Сигизмунда только удобнымъ поводомъ, чтобы нарушить недавно заключенный съ Россіей мирный договоръ. На этотъ разъ и сеймъ (1609 года), хотя и негласно, одобрилъ войну съ Москвой. Только нѣкоторые литовскіе паны возставали противъ «несправедливой и смрадной передъ Богомъ»,—какъ они выражались,—войны.

Ранней осенью 1609 года, Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ. Онъ расчитывалъ на скорую сдачу города, но встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе. Мужественный воевода Михаилъ Борисовичъ Шеинъ отбилъ всѣ непріятельскіе приступы и предусмотрительно разрушилъ всѣ непріятельскіе подкопы. Архіепископъ Сергій горячимъ пастырскимъ словомъ поднималъ духъ у осажденныхъ, среди которыхъ немало было простыхъ, не привыкшихъ къ военному дѣлу, людей. Подъ стѣнами сильной Смоленской крѣпости польскому войску пришлось остаться надолго, хотя въ помощь ему явились въ большомъ числѣ запорожскіе казаки. Сигизмундъ завелъ сношенія и съ тѣми поляками, что стояли въ Тушинѣ, и многихъ изъ нихъ привлекъ на свою сторону. Но Смоленскъ продолжалъ всю осень, зиму и наступившую затѣмъ весну мужественно защищаться. Жители Смоленска, какъ пограничные съ Литвой, хорошо знали, что сулитъ Россіи и православной вѣрѣ господство польскаго короля.

Отправляясь подъ Смоленскъ, Сигизмундъ объявилъ, что онъ желаетъ отвоевать у Москвы только Смоленскую и Черниговско-Сѣверскую области. Но, начавъ

осаду Смоленска, онъ уже не скрывалъ, что этого для него недостаточно.

Черезъ тушинскихъ поляковъ онъ завелъ сношенія съ русскими тушинцами, предлагая себя самого на Московскій престолъ. Воръ давно уже омерзѣлъ русскимъ духовнымъ и свѣтскимъ людямъ, находившимся въ Тушинѣ, да онъ въ это время уже и убѣжалъ въ Калугу.

У нѣкоторыхъ московскихъ бояръ, еще при жизни перваго Лжедимитрія, явилась мысль объ избраніи на царство польскаго королевича Владислава, сына Сигизмунда. Неудивительно, что предложеніе Сигизмунда встрѣтило нѣкоторое сочувствіе у русскихъ, находившихся въ Тушинѣ во главѣ съ Михаиломъ Салтыковымъ и ни за что несогласныхъ примириться съ царемъ Василіемъ Шуйскимъ. Но они не хотѣли видѣть царемъ самого Сигизмунда, а соглашались только избрать на царство его сына Владислава. Владиславу въ то время было всего пятнадцать лѣтъ отъ роду. Королевичъ во многомъ отличался отъ своего отца и не былъ такъ слѣпо и безумно преданъ римско-католической церкви. Притомъ же королевскій престолъ въ Польшѣ былъ избирательный, а не наслѣдственный, и поляки могли не избрать Владислава по смерти Сигизмунда своимъ королемъ, да и самъ Владиславъ могъ не пожелать польскаго престола. Согласившись избрать Владислава на московскій престолъ, русскіе тушинцы потребовали, чтобы онъ короновался въ Москвѣ царскимъ вѣнцомъ отъ руки московскаго патріарха, и чтобы православная вѣра на Руси ни въ чемъ не была нарушена. Тушинскіе бояре и дворяне въ условіяхъ избранія Владислава на царство позаботились и о своихъ правахъ и преимуществахъ, и даже ограничили самодержавную власть въ свою пользу, но не настаивали прямо на переходѣ Владислава въ православную вѣру.

Послы отъ русскихъ изъ Тушина прибыли къ Сигизмунду подъ Смоленскъ въ то время, когда Троице-Сергіева обитель освобождена уже была отъ осады, и Скопинъ-Шуйскій побѣдоносно приближался къ Москвѣ. Сигизмундъ принялъ (4 февраля 1610 года) условія избранія Владислава на Московскій престолъ. Но онъ,

конечно, и самъ видѣлъ, какъ мало эти условія значатъ сами по себѣ. Вскорѣ Тушино пало, и русскіе тушинцы отчасти уѣхали къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, отчасти разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Уходя изъ Тушина въ Волоколамскъ, поляки захватили съ собой и митрополита Филарета Никитича (Романова), но одинъ царскій отрядъ отбилъ его у поляковъ.

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій на пиру у князя Воротынскаго.
Съ карт. (изъ журн. «Нивы»).

Весной 1610 года, Сигизмунду нужно было думать не о московской коронѣ, а о томъ, какъ-бы царское войско не явилось на выручку Смоленска. Князь Скопинъ-Шуйскій и Делагарди, дѣйствительно, сразу же послѣ освобожденія Москвы, стали готовиться къ походу противъ польскаго короля.

Но въ самый разгаръ этихъ приготовленій нежданное великое горе постигло Русскую землю. Ея слава и надежда, молодой, 26-лѣтній князь Скопинъ-Шуйскій, 23 апрѣля 1610 года, скончался. На крестинахъ, гдѣ онъ былъ кумомъ, а жена царскаго брата Димитрія кумой, онъ заболѣлъ сильнымъ кровотеченіемъ изъ носа, отъ котораго, спустя нѣсколько дней и

умеръ. Въ народѣ возникло подозрѣніе, что княгиня Екатерина Шуйская подала въ чашѣ съ виномъ отраву опасному сопернику своего мужа въ будущемъ наслѣдованіи царскаго престола. Населеніе волновалось. Вся Москва горько оплакивала своего недавняго избавителя.

Главное начальство надъ войскомъ, двинутымъ къ Смоленску, поручено было князю Димитрію Шуйскому. Эта рать 24 іюня 1610 года потерпѣла страшное пораженіе при селѣ Клушинѣ (въ 20 верстахъ отъ Гжатска, Смоленской губерніи) отъ литовскаго гетмана Жолкѣвскаго, отличавшагося большимъ военнымъ искусствомъ. Между Димитріемъ Шуйскимъ и Делагарди не было добраго согласія, и иноземное войско подъ Клушиномъ отчасти бездѣйствовало, отчасти прямо измѣнило царю, а потомъ поступило на службу къ королю.

Самъ Делагарди съ небольшимъ отрядомъ шведовъ отступилъ къ Новгороду.

Смерть князя Скопина-Шуйскаго и Клушинское пораженіе имѣли роковыя послѣдствія для Василія Шуйскаго. Крестьянскія ополченія сѣверной Руси, пришедшія съ Скопинымъ на выручку Москвы, послѣ загадочной смерти этого славнаго витязя утратили прежнюю охоту стоять за царя Василія. Рязанскіе дворяне, во главѣ съ Ляпуновымъ, вѣрно служившіе законному государю во все время долгой московской осады, открыто выступили противъ него. Они не могли примириться со смертью горячо любимаго ими героя. Прокопій Ляпуновъ, еще въ Александровской слободѣ, предлагалъ ему царскій вѣнецъ. Высшее московское боярство давно отшатнулось отъ несчастнаго царя. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ явно подкапывался подъ него, расчищая себѣ самому путь къ престолу. Голицынъ сумѣлъ привлечь на свою сторону и Ляпуновыхъ. Недавно прибывшій въ Москву митрополитъ Филаретъ Никитичъ, всегдашній противникъ Шуйскихъ, не могъ стать опорою царя Василія. Одинъ патріархъ Гермогенъ защищалъ и поддерживалъ его въ эти дни.

Между тѣмъ разбитое подъ Клушиномъ царское войско разбрелось по домамъ. Жолкѣвскій же послѣ

побѣды не сталъ медлить. Съ польскими отрядами, усиленными бывшими русскими тушинцами, онъ быстро пошелъ къ Москвѣ и вскорѣ уже былъ въ подмосковномъ городѣ Можайскѣ.

Всѣ лежавшіе по пути города должны были признать власть Владислава. Въ то же время двинулся къ Москвѣ изъ Калуги и тушинскій воръ. Къ ужасу жителей столицы, онъ расположился со своими свирѣпыми полчищами въ селѣ Коломенскомъ. Царь Василій не имѣлъ достаточныхъ средствъ для борьбы съ ними. Москва волновалась, страшась разгрома. Тогда нѣкоторые болѣе видные русскіе люди, окружавшіе самозванца, вошли въ прямыя сношенія съ московскими врагами царя Василія, обѣщая имъ отказаться отъ вора, если тѣ въ свою очередь сведутъ съ престола Василія, и предлагая, затѣмъ, сообща избрать новаго царя. Многимъ въ Москвѣ такой выходъ изъ ужаснаго положенія казался единственно возможнымъ.

Царь Василій Ивановичъ свергнутъ былъ съ престола 17 іюля 1610 года, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ Клушинскаго сраженія. Это было дѣломъ попреимуществу Захарія Ляпунова и его сторонниковъ. Они возмутили народную толпу и привлекли на свою сторону бояръ и другихъ знатныхъ людей. Только патріархъ Гермогенъ до конца остался вѣренъ законному государю. Но свергнувшіе царя съ престола не запятнали себя кровью: изъ царскаго дворца они просто перевезли Василія Шуйскаго въ его старый боярскій домъ.

Василій Шуйскій палъ, не справившись съ труднымъ дѣломъ царствованія. Вышедшій изъ высшей княжеской знати, проницательный и изворотливый, но малодушный и себялюбивый, онъ на царскомъ престолѣ не сумѣлъ стать выше личныхъ и родственныхъ счетовъ и отношеній. Онъ не смогъ даже удержать около себя тѣ народныя силы, которыя собраны были въ Москву его умнымъ и доблестнымъ племянникомъ. Самый военный союзъ со Швеціей — полезный для Россіи при жизни Скопина Шуйскаго, — послѣ его смерти сталъ источникомъ великихъ золъ. Шведы изъ союзниковъ превратились во враговъ.

На другой же день послѣ сверженія Василія Шуйскаго обнаружился обманъ приверженцевъ самозванца. Они вовсе не хотѣли отказываться отъ него, а, напротивъ, предлагали Москвѣ признать его царемъ. Москва страшно смутилась, не знала, что дѣлать, какъ быть. Нѣкоторые даже хотѣли возстановить Василія Шуйскаго на престолѣ. Самъ патріархъ Гермогенъ раздѣлялъ эту мысль. Тогда враги бывшаго царя поспѣшили насильно постричь его въ монахи, хотя Гермогенъ объявилъ, что такого постриженія онъ не признаетъ дѣйствительнымъ.

Тревога въ Москвѣ особенно усилилась оттого, что чернь, подстрекаемая подметными письмами Лжедимитрія, сильно волновалась и ждала скорѣйшаго вступленія его въ Москву, чтобы тотчасъ же предаться буйству и грабежу. Столицѣ угрожала страшная междоусобная рѣзня. Въ то же время (уже 24 іюля) Жолкѣвскій подошелъ къ самой Москвѣ.

10.

Избраніе королевича Владислава на престолъ.

Среди тяжелыхъ обстоятельствъ пришлось боярамъ выбирать государя: два вражескихъ войска стояли подъ самой Москвой, и каждое изъ нихъ стремилось навязать Москвѣ своего царя. У бояръ не могло быть колебаній при выборѣ между гнуснымъ самозванцемъ, съ его грабительскими правами, и королевичемъ изъ сосѣдней страны, гдѣ знатные паны имѣли такую большую силу. Напрасно патріархъ Гермогенъ предлагалъ боярамъ избрать въ цари кого-либо изъ своей среды: князя Василія Васильевича Голицына или, всего лучше, юнаго Михаила Ѳеодовича Романова. Бояре упорно стояли на избраніи королевича Владислава. Не желая, однако, брать всего дѣла на себя, они наскоро собрали какъ-бы земскій соборъ изъ разныхъ московскихъ чиновъ, съ прибавкой къ нимъ случайно оказавшихся въ столицѣ иногородныхъ людей. Это собраніе одобрило боярское избраніе. Патріархъ Гермогенъ долженъ

былъ уступить. Въ угоду ему внесли въ условія избранія Владислава обязательство короноваться царскимъ вѣнцомъ изъ рукъ Московскаго патріарха, почитать и украшать, по примѣру прежнихъ царей, святыя церкви въ Москвѣ и иныхъ городахъ, римско-католическихъ костеловъ на Руси не строить, никакихъ иныхъ вѣръ не вводить. Патріархъ Гермогенъ требовалъ, чтобы королевичъ крестился въ православную вѣру. Но гетманъ Жолкѣвскій, съ которымъ бояр-

Видъ Москвы.
Со стар. гравюры.

ская дума договаривалась объ условіяхъ избранія, сказалъ, что онъ на это не имѣетъ полномочія отъ короля. Все-таки, статья о крещеніи королевича въ православную вѣру внесена была въ условія избранія, хотя въ самомъ концѣ ихъ, въ числѣ статей, о которыхъ рѣшено договориться съ самимъ королемъ.

17 августа гетманъ Жолкѣвскій принялъ условія избранія Владислава на престолъ, и Москва стала присягать новому царю. Но въ Москвѣ много, очень много было и недовольныхъ избраніемъ польскаго королевича, особенно среди духовенства и простого народа. Стоявшій въ Коломенскомъ самозванецъ готовъ былъ обратить въ свою пользу это недовольство, выставляя себя ревнителемъ православной вѣры. Страхъ

опять напалъ на бояръ. Боясь за свою безопасность, они упрашивали Жолкѣвскаго поскорѣе прогнать самозванца изъ Коломенскаго. Но гетманъ не торопился. Тогда бояре предложили Жолкѣвскому, для большого успѣха, соединить свое войско съ московскимъ и войти съ нимъ въ самую Москву. Польскому гетману только этого и нужно было. Но народъ, узнавъ о такихъ переговорахъ, сталъ сильно волноваться, намѣревался прямо ринуться въ бой съ поляками. Бояре сумѣли успокоить толпу, а затѣмъ, въ ночь на 21 сентября, тайкомъ впустили польское войско въ Москву.

Второй Лжедимитрій съ Мариной опять бѣжалъ въ Калугу, и многіе изъ его приверженцевъ признали царемъ Владислава.

Русская столица оказалась совершенно въ рукахъ поляковъ. Сама боярская дума, состоявшая изъ семи главныхъ бояръ, потеряла всякое значеніе. Всѣмъ сталъ распоряжаться польскій гетманъ—и царской казной, и назначеніемъ на должности, и даже царскимъ стрѣлецкимъ войскомъ. Нашлись среди русскихъ людей, особенно среди бывшихъ тушинцевъ, усердные пособники поляковъ. Царская казна отъ нихъ, особенно отъ бывшаго кожевника, а теперь думнаго дворянина, мерзкаго Ѳедьки Андронова изсякла больше, чѣмъ отъ самихъ поляковъ. «Семибоярщина» вскорѣ и по имени перестала существовать. Въ Россіи совсѣмъ не оказалось высшей Русской власти. Въ древней столицѣ Московскихъ царей хозяйничали, какъ у себя дома, ихъ исконные враги. Позоръ и печаль пали на русскую душу!

Гетманъ Жолкѣвскій завѣдывалъ и снаряженіемъ посольства къ королю Сигизмунду подъ Смоленскъ съ приглашеніемъ его сына на Московскій престолъ. Онъ настоялъ, чтобы во главѣ столь важнаго посольства поставлены были и самыя вліятельные въ Русскомъ государствѣ лица: Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Хитрый гетманъ хотѣлъ отдать во власть короля самыхъ опасныхъ для его сына людей. Вмѣстѣ съ послами отправилось подъ Смоленскъ большое количество (болѣе тысячи человѣкъ) представителей отъ всѣхъ сословій государства. Русскіе люди съ радостью

ѣхали: они искренно надѣялись, что не только условія избранія Владислава, но и всѣ статьи особаго даннаго имъ въ Москвѣ отъ патріарха и боярской думы наказа будутъ приняты и выполнены королемъ. Въ наказѣ, между прочимъ, находилась статья о томъ, чтобы королевичъ Владиславъ крестился въ православную вѣру еще въ Смоленскѣ у митрополита Филарета Никитича, чтобы королевичъ, когда придетъ время, взялъ себѣ въ Москвѣ православную жену и т. д.

Но Московскихъ пословъ ждало горькое разочарованіе. Они попросили короля снять осаду съ несчастнаго Смоленска, продолжавшуюся уже цѣлый годъ, и вывести польскія войска изъ Русской земли. Они говорили, что послѣ того, какъ польскій королевичъ сталъ Московскимъ царемъ, нѣтъ смысла полякамъ ни осаждать Смоленскъ, ни истощать Русскую землю. Польскіе же паны, прежде всего, требовали, чтобы послы велѣли Смоленску немедленно сдаться, такъ какъ нѣтъ смысла противиться отцу своего государя. А польскія войска, находившіяся на Русской землѣ, по словамъ пановъ, должны очистить для Владислава Московское государство отъ полчищъ самозванца. Но этого мало,—вскорѣ Русь облетѣло извѣстіе о новомъ страшномъ приступѣ на Смоленскъ, произведенномъ по приказу отца новоизбраннаго Московскаго царя. Къ счастью, храбрые защитники отстояли городъ (21 ноября 1610 года).

Уже первые переговоры относительно Смоленска повергли Московскихъ пословъ въ большое недоумѣніе. Чѣмъ дальше время шло, тѣмъ недоумѣніе ихъ и разочарованіе возрастали. Послы просили Сигизмунда дать скорѣе на царство королевича Владислава, утвердивши всѣ условія его избранія. Польскіе паны отвѣчали, что королевичъ еще не достигъ зрѣлаго возраста: такъ скоро отправить его въ Москву не безопасно, да и все это дѣло нужно отдать на рѣшеніе польскаго сейма. Прошло еще немного времени—и оказалось, что король совсѣмъ не желаетъ отпускать Владислава въ Москву. Польскіе паны потребовали, чтобы послы признали Московскимъ царемъ самого Сигизмунда. Дѣйствительно, воцареніе Владислава въ Москвѣ никакихъ выгодъ не сулило Польшѣ. Утвердившись въ юномъ

возрастѣ на Московскомъ престолѣ, особенно принявши православную вѣру, королевичъ — быть-можетъ — совсѣмъ сталъ бы пренебрегать польскими выгодами. Польша могла бы не получить и столь желанныхъ ей Смоленской и Черниговской областей. Правда, Польша мало потратила денегъ на войну съ Москвой: осада Смоленска отчасти оттого и затянулась, что у Сигизмунда мало было войска и денегъ. Но извлечь для себя всѣ выгоды изъ долгаго междоусобія въ Московской землѣ Польша очень была не прочь. Поляки, захватившіе уже давно подъ свою власть всю Западную Русь, не прочь были, на даровщинку, взять и Восточную Русь, чтобы воспользоваться всѣми ея благами.

Послы увидѣли, что поляки провели бояръ: обѣщали Владислава, а даютъ Сигизмунда! Когда Жолкѣвскій прибылъ (въ концѣ октября) подъ Смоленскъ, они стали просить его засвидѣтельствовать передъ королемъ и панами справедливость всѣхъ ихъ требованій. Но Жолкѣвскій оказался совсѣмъ не такимъ простымъ и прямодушнымъ военнымъ человѣкомъ, какимъ онъ представлялся многимъ въ Москвѣ: онъ не поддержалъ пословъ, точно онъ и не зналъ условій избранія Владислава. Посламъ пришлось убѣдиться въ неискренности Жолкѣвскаго и по другому поводу. Вопреки данному боярамъ въ Москвѣ обѣщанію, онъ обманомъ захватилъ въ Волоколамскомъ монастырѣ низверженнаго царя Василія Шуйскаго съ братьями его и невѣсткой и торжественно, въ присутствіи всѣхъ пановъ и войска, представилъ королю, какъ будто-бы плѣнника, взятаго на полѣ битвы. Но, изстрадавшійся тѣломъ и духомъ, Василій Ивановичъ сталъ передъ Сигизмундомъ молча, не дѣлая поклона. Когда же ему напомнили о поклонѣ, онъ промолвилъ:

— Московскому царю не надлежитъ кланяться королю. То совершилось праведными судьбами Божіими, что приведенъ я въ плѣнъ, но не вашими руками я взятъ.

О переходѣ Владислава въ православную вѣру нечего было и думать. Московскіе послы убѣдились, что король и паны считаютъ для себя необязательными всѣ условія избранія Владислава. Паны при каждомъ свиданіи совѣтовали имъ во всемъ положиться на

королевскую волю. Ясно было, что король и особенно паны замыслили совершенно подчинить Московскую Русь Польшѣ. Оба великихъ посла, а съ ними вмѣстѣ благородный думный дьякъ Луговской, ни въ чемъ не уступали: они готовы были все претерпѣть, только бы не погубить родного православнаго государства.

Король и паны рѣшили, во что бы то ни стало, сломить упорство пословъ. Сигизмундъ вообразилъ себя дѣйствительнымъ Московскимъ царемъ, сталъ щедро раздавать помѣстья болѣе податливымъ людямъ изъ многочисленнаго Московскаго посольства и изливать на нихъ всякія иныя милости. Большинство изъ нихъ соблазнились этими милостями: долгая смута внесла большое развращеніе въ среду русскихъ людей. Но, и покинутые большинствомъ своихъ товарищей, послы твердо стояли на своемъ.

Сигизмундъ и паны придумали иное средство сломить ихъ упорство. Боярская дума, послушная волѣ оставленнаго Жолкѣвскимъ въ Москвѣ вмѣсто себя пана Гонсѣвскаго, прислала посламъ подъ Смоленскъ приказъ отдаться во всемъ на королевскую волю. Прочитавши грамоту, Голицынъ и митрополитъ Филаретъ объявили, что на грамотѣ нѣтъ подписи святѣйшаго патріарха Гермогена и всего освященнаго собора.

— Нынѣ по грѣхамъ нашимъ,—говорили послы королю и посламъ,—мы стали безъ государя, а патріархъ у насъ — человѣкъ начальный, и безъ патріарха нынѣ о такомъ дѣлѣ совѣтовать не пригоже; какъ патріарховы грамоты безъ боярскихъ, такъ и боярскія безъ патріарховыхъ не годятся.

Митрополитъ Филаретъ, отказываясь отъ присяги Сигизмунду, прибавилъ еще:

— Крестное цѣлованіе—дѣло духовное; отъ патріарха намъ о томъ грамота не прислана; я, митрополитъ, не смѣю дерзнуть на такое дѣло безъ патріаршей грамоты.

— А намъ безъ митрополита,—сказалъ со своей стороны Голицынъ,—однимъ нельзя дѣлать такого великаго дѣла.

Спустя нѣкоторое время, боярская дума прислала другую грамоту, въ которой приказывалось посламъ сдать немедленно королю Смоленскъ и присягнуть на

вѣрность Сигизмунду вмѣстѣ съ его сыномъ. Послы отказались повиноваться и этой грамотѣ, такъ какъ и она написана была безъ патріаршаго согласія. Митрополитъ Филаретъ сказалъ:

— Хотя бы мнѣ смерть принять, я безъ патріаршей грамоты о крестномъ цѣлованіи на королевское имя никакими мѣрами ничего не буду дѣлать.

Долгія пререканія пословъ съ польскимъ королемъ скоро стали извѣстны въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Русскіе люди, присягавшіе не Польшѣ, а лично Владиславу, недоумѣвали. Многіе и за Владислава высказались въ свое время только потому, что страшились торжества самозванца. Между тѣмъ, въ декабрѣ 1610 года его уже не стало: онъ былъ убитъ на охотѣ однимъ знатнымъ татариномъ изъ личной мести. Со смертью Тушинскаго вора, Россія освобождалась отъ давняго и опаснаго внутренняго врага, русскіе люди могли вздохнуть свободнѣе. У короля не осталось повода для отговорки, что онъ держитъ свои войска въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ для защиты отъ грабительскихъ полчищъ самозванца. Но Сигизмундъ и не думалъ уводить своего войска изъ Москвы. Многимъ русскимъ это казалось очень страннымъ. Недоумѣніе и безпокойство ихъ стало еще сильнѣе.

11.

Патріархъ Гермогенъ. Прокопій Ляпуновъ.

Раньше всѣхъ и яснѣе всѣхъ увидѣлъ великую опасность, угрожавшую Россіи, патріархъ Гермогенъ.

Хотя первосвятитель былъ въ рукахъ злого Гонсѣвскаго, однако,—его волѣ не подчинился. Патріархъ и слышать не хотѣлъ о присягѣ Сигизмунду и рѣшительно отказался подписать боярскую грамоту объ этомъ посламъ подъ Смоленскъ. Бояре неоднократно увѣщевали и упрашивали святителя отдаться во всемъ на королевскую волю, угрожали ему королевскимъ гнѣвомъ, старались запугать его злобою и мщеніемъ Гонсѣвскаго. Вѣроломный измѣнникъ Михаилъ Салтыковъ даже бросился однажды съ ножомъ на архипастыря.

Гермогенъ оставался непреклоннымъ. Онъ немедленно собралъ въ Успенскій соборъ торговыхъ и иныхъ людей, разсказалъ имъ о притязаніяхъ короля и запретилъ приносить ему присягу. Слова патріарха сильно подѣйствовали на московскихъ людей, давно уже чувствовавшихъ всю великую обиду польскаго засилья въ столицѣ Русскаго царства. Когда затѣмъ пришла къ нимъ слезная грамота отъ служилыхъ людей изъ-подъ Смоленска, они разослали ее по всѣмъ городамъ, присоединивши къ ней и свою грамоту, писанную съ благословенія Гермогена.

Въ грамотѣ смоленскіе служилые люди писали о глумленіяхъ польскихъ и литовскихъ людей надъ православною вѣрою, о разореніи православныхъ церквей, о поголовномъ истребленіи русскихъ служилыхъ людей во всей Смоленской области (изъ сотни едва остался одинъ), объ уводѣ въ Польшу въ плѣнъ ихъ матерей, женъ и дѣтей. Смоленскіе служилые люди, какъ ближайшіе сосѣди Литвы и Польши, предупреждали русскихъ, присягнувшихъ Владиславу, что имъ королевича никогда не дождаться: на польскомъ сеймѣ постановлено подчинить Польшѣ всю Московскую землю. Они просили москвичей и всѣхъ русскихъ людей «всею землею обще стати за православную вѣру, покамѣста еще свободны, а не въ работѣ и въ плѣнъ не разведены».

Патріархъ увидѣлъ, что королевичъ Владиславъ у поляковъ—подставное лицо, что, по замыслу ляховъ, Москва и вся Россія должны перейти прямо подъ власть Польши. Убѣдившись въ этомъ, святитель не сталъ медлить: въ половинѣ декабря 1610 года онъ разослалъ по городамъ новыя грамоты, въ которыхъ разрѣшалъ народъ отъ присяги Владиславу и звалъ всѣхъ людей итти на освобожденіе Москвы отъ поляковъ.

Первымъ на призывъ патріарха откликнулся Рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ съ многочисленными служилыми людьми. Затѣмъ началось движеніе въ Нижнемъ-Новгородѣ. Гермогенъ издавна былъ въ сношеніяхъ съ нимъ: двое «безстрашныхъ людей» изъ Нижняго—одинъ дворянинъ Пахомовъ, а другой посадскій Мосеевъ—пробирались среди всякихъ опасностей къ патріарху въ Кремль, приносили ему вѣсти о томъ,

что дѣлается въ Нижнемъ и другихъ городахъ, получали отъ него грамоты къ нижегородцамъ и словесныя наставленія. За Нижнимъ поднялись — Ярославль, Вологда, Суздаль, Владиміръ, Кострома, Муромъ, Галичъ, Угличъ, Кашинъ, Бѣжецкъ и другіе города по верхней и средней Волгѣ и ея притокамъ.

Вскорѣ вся та Русь къ сѣверу отъ Москвы, которая недавно подъ знаменами князя Скопина-Шуйскаго ходила на выручку Москвы отъ Тушинскаго вора, опять двинулась на освобожденіе ея отъ поляковъ. Попрежнему въ составѣ сѣверной рати были и служилые, и тяглые люди.

Но составъ новаго освободительнаго ополченія не ограничился одними перечисленными людьми, которые всегда, въ большей или меньшей мѣрѣ, вѣрны были старому русскому укладу государственной и общественной жизни, вѣками сложившемуся въ Москвѣ. Призывъ къ избавленію Москвы отъ иноземнаго порабощенія нашелъ себѣ сочувствіе и у тѣхъ русскихъ людей, которые служили прежде Тушинскому самозванцу.

Оставшіеся еще въ Калугѣ, бывшіе тушинцы, съ княземъ Димитріемъ Трубецкимъ во главѣ, рѣшили дѣйствовать за одно съ Ляпуновымъ и рязанцами. Мало того: къ освободительному ополченію примкнулъ находившійся тогда съ Мариною въ Тулѣ казацкій атаманъ Иванъ Заруцкій, имѣвшій, впрочемъ, и свою особую цѣль—возведеніе на престолъ сына Марины. По примѣру Заруцкаго, стали примыкать къ ополченію и другіе казацкіе атаманы, какъ напр., Просовецкій, производившій дотолѣ страшные грабежи въ Псковской и Суздальской областяхъ. Вмѣстѣ съ казаками присоединялись къ ополченію толпы бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, бывшихъ въ войскахъ Тушинскаго вора. Сѣверская Украйна, не задолго передъ тѣмъ такъ упорно отстаивавшая обоихъ Лжедимитріевъ, чуть-ли не вся поднялась теперь на спасеніе Москвы отъ поляковъ. Въ эту ужасную годину она забыла всѣ свои старые счеты съ Москвой, въ которыхъ и не Москва сама была повинна, а ея тяжкая судьба.

И самый послѣдній бѣглый холопъ съ Сѣверской Украйны, даже съ «дикаго поля», не грабить и мстить

Земская стража въ Смутное время.
Съ рис. Н. Н. Каразина (изъ «Нивы»).

шелъ теперь на сѣверъ, а спасать свою православную вѣру, свое государство. Къ русскому ополченію, двинувшемуся на выручку Москвы, присоединились даже нѣкоторые инородцы — мордва, чуваши, черемисы: и они сознали, что привычная Русская власть лучше для нихъ чужеземнаго ига.

Ополченіе для спасенія Москвы собралось съ удивительною для того времени быстротою. Уже въ концѣ зимы разныя части его быстро выступили въ походъ. Поляки въ Москвѣ пришли въ безпокойство. По приказу Гонсѣвскаго, бояре потребовали отъ патріарха Гермогена, чтобы онъ грамотою своею запретилъ ополченію идти къ Москвѣ. Патріархъ отвѣтилъ, что онъ, напротивъ, благословляетъ ополченіе на дальнѣйшій путь, желаетъ ему счастливо докончить начатое доброе дѣло—избавленіе церкви православной отъ еретиковъ и русскихъ измѣнниковъ. Въ отместку за эти слова, сперва патріаршій дворъ весь былъ разграбленъ, и служившіе у патріарха люди разогнаны; потомъ самъ Гермогенъ взятъ былъ подъ стражу и посаженъ въ заключеніе въ Чудовомъ монастырѣ.

Въ началѣ весны 1611 года ополченіе съ разныхъ сторонъ стало подходить къ Москвѣ.

Столичное населеніе пріободрилось, а поляки впали въ сильное раздраженіе и озлобленіе.

19 марта, во вторникъ на страстной недѣлѣ, подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ, поляки взялись за оружіе и принялись рубить и рѣзать русскихъ, всѣхъ кого попало, не разбирая ни пола, ни возраста. Такъ они избили чуть-ли не всѣхъ жителей Китай-города: спаслись только тѣ, кто успѣлъ бѣжать. Затѣмъ, разъяренные враги принялись громить Бѣлый городъ и другія части Москвы.

Въ это время подоспѣлъ къ столицѣ предводитель одного изъ передовыхъ отрядовъ ополченія, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій.

Набатные колокола возвѣстили жителямъ эту радостную вѣсть.

Вся Москва поднялась, какъ одинъ человѣкъ. Положеніе поляковъ, съ приходомъ новыхъ русскихъ отрядовъ, могло сдѣлаться отчаяннымъ. Русскій предатель Михаилъ Салтыковъ подалъ полякамъ мысль

поджечь городъ. Они такъ и сдѣлали: подожгли дома сразу въ разныхъ частяхъ

Москва запылала, какъ костеръ. Пожаръ длился всю ночь и двое слѣдующихъ сутокъ.

Подошедшіе къ столицѣ русскіе отряды не могли ни потушить пожара, ни пробраться сквозь сплошной огонь въ Китай-городъ и Кремль. Огонь принудилъ отступить и мужественнаго князя Пожарскаго: тяжело раненаго его увезли въ Троице-Сергіеву обитель. Москва послѣ страшнаго пожара представляла собой одну груду развалинъ. Лишившіеся всего имущества, жители ея бѣжали, куда глаза глядятъ. Польскіе солдаты разграбили все, что только могли.

Нѣсколько дней спустя, къ развалинамъ Москвы подошли главныя силы русскаго ополченія. Они расположились вокругъ Москвы, стараясь обхватить ее со всѣхъ сторонъ: середину заняли земскія рати подъ предводительствомъ Ляпунова, по обѣ стороны стали полчища Трубецкого и Заруцкаго.

Поляки засѣли въ Кремлѣ и въ прилегающемъ къ нему Китай-городѣ. Они же удержали въ своихъ рукахъ и нѣкоторыя части Бѣлаго города.

Русское ополченіе своею численностью во много разъ превосходило польскій отрядъ; но оно не располагало хорошей артиллеріей. Крѣпостныя же стѣны въ Москвѣ отличались необычайной толщиной и прочностью; на стѣнахъ находилось огромное количество дальнобойныхъ орудій. Взять приступомъ Китай-городъ и Кремль было немыслимо. По необходимости пришлось прибѣгнуть къ длительный осадѣ крѣпости, чтобы голодомъ заставить ее сдаться. Вожди ополченія тѣмъ легче на это пошли, что поляки, во время учиненнаго ими разгрома Москвы, все свое вниманіе обратили на драгоцѣнности, а о продовольственныхъ запасахъ не позаботились.

Но устроить настоящую осаду широко раскинувшейся Москвы было не легко. Отразить всѣ неожиданныя вылазки осажденныхъ за продовольствіемъ,— то тамъ, то тутъ,—долгое время было невозможно. Съ другой стороны, Янъ Сапѣга со своимъ особымъ и сильнымъ отрядомъ постоянно тревожилъ ополченіе съ тыла, прорывался черезъ него и доставлялъ оса-

жденнымъ продовольствіе. Русское ополченіе вело дѣло осады, хотя и медленно, но упорно, строило все новые и новые острожки изъ бревенъ и досокъ и подъ ихъ прикрытіемъ подвигалось впередъ, постепенно дѣлая осаду все болѣе и болѣе тѣсной. Въ то же время оно отбросило и Яна Сапѣгу далеко на сѣверъ. Въ іюлѣ обложеніе Москвы стало уже полнымъ. Освобожденіе столицы и съ нею всей Россіи изъ-подъ власти поляковъ лѣтомъ 1611 года казалось близкимъ. Счастливый конецъ похода, повидимому, ждалъ русскихъ людей подъ Москвой, въ награду за ихъ единодушное стремленіе встать на защиту родной православной вѣры и родного русскаго царства. Но лѣтомъ же обнаружилось, что это единодушіе не было у всѣхъ ихъ настолько твердымъ и сильнымъ, чтобы совсѣмъ заглушить разъѣдавшую ихъ сословную вражду. Лучшіе люди въ ополченіи всѣми мѣрами старались убѣдить, — и служилыхъ, и тяглыхъ, и бѣглыхъ крестьянъ, и холоповъ, и казаковъ, — что, если они искренно хотятъ спасти вѣру и отечество, пусть забудутъ всѣ свои старые взаимные счеты.

Подъ Москвой ополченцы, прежде всего, дали другъ другу клятву—стоять крѣпко за православную вѣру и за Московское государство, отнюдь не признавать польскаго короля и королевича, а правдою служить тому государю, котораго Богъ дастъ на Московское царство. Ляпуновъ устроилъ изъ выборныхъ отъ всякаго рода людей, бывшихъ въ ополченіи, особый «совѣтъ всей земли», чтобы онъ обсуждалъ и принималъ мѣры, какія окажутся нужными для умиротворенія Русской земли, потрясенной долгою смутою. Изданы болѣе справедливыя правила о вознагражденіи служилыхъ людей и казаковъ за службу, о бѣглыхъ крестьянахъ и холопахъ, поступившихъ въ казаки (одни изъ нихъ оставлены навсегда казаками, другіе, недавно бѣжавшіе, подлежали возврату на старыя мѣста). Но, само собой разумѣется, удовлетворить желанія всѣхъ собравшихся было невозможно, и, хотя Трубецкой и Заруцкій подписали новыя правила, но въ ихъ казацко-холопскихъ полчищахъ многіе остались недовольными. Можетъ-быть, лучше было бы и со-

всѣмъ не поднимать такихъ трудныхъ, запутанныхъ вопросовъ на ратномъ полѣ.

Сидѣвшіе въ Москвѣ поляки скоро узнали о раздорахъ въ русскомъ ополченіи. Они же давно и хорошо понимали, что Ляпуновъ—душа всего ополченія.

Жертвою коварства поляковъ и неразумной злобы своихъ и палъ умный, рѣшительный, беззавѣтно преданный родинѣ Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, болѣе другихъ думавшій и о тяжкой долѣ тяглыхъ людей. 22 іюля 1611 года казаки позвали Ляпунова къ себѣ для объясненій по поводу одной враждебной имъ грамоты, будто-бы написанной Ляпуновымъ. Эту грамоту принесъ имъ казакъ, освобожденный изъ плѣна у поляковъ въ Москвѣ. Ляпуновъ сказалъ, что его подпись подъ этой грамотой поддѣлана, что онъ такой грамоты не составлялъ. Казаки не повѣрили и измѣнически зарубили славнаго вождя.

Вѣроломное убійство народнаго предводителя произвело страшное смущеніе среди служилыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, могли ли они продолжать осаду Москвы въ союзѣ съ убійцами доблестнаго ихъ вождя? Безопасно ли даже было для нихъ оставаться дальше подъ Москвой—рядомъ съ казацко-холопскими полчищами, нарушившими недавнюю присягу стоять всѣмъ крѣпко за православную вѣру и московское государство? Послѣ гибели Ляпунова, враждебное отношеніе этихъ полчищъ къ служилымъ людямъ усиливалось, сказываясь въ разнаго рода ругательствахъ и угрозахъ. Атаманъ Заруцкій самъ раздувалъ вражду.

Ополченіе служилыхъ людей, угрожаемое справа и слѣва казаками и холопами, стало расходиться по домамъ.

Остались подъ Москвой лишь тѣ, которые служили раньше Тушинскому самозванцу. Казацко-холопскія полчища не могли вести дальше той осады Москвы, которую удалось было установить лѣтомъ 1611 года. Ушедшіе изъ-подъ Москвы служилые люди представляли собой наилучше вооруженную, наиболѣе привыкшую къ войнѣ часть ополченія.

Сословная вражда, разъединившая двѣ главныя части ополченія, совсѣмъ обезсилила его и вмѣстѣ съ этимъ сдѣлала освобожденіе Москвы отъ поляковъ не возможнымъ.

12.

Московское государство на краю гибели.

Между тѣмъ, новыя напасти, одна за другой, обрушились на Русскую землю.

Шведскій король давно уже стремился извлечь себѣ пользу изъ нашей внутренней неурядицы. Московскій престолъ самъ по себѣ его не прельщалъ. Главною его заботою было захватить западныя наши области. Послѣ Клушинскаго пораженія, Делагарди, пробравшись къ Финскому заливу, овладѣлъ гор. Корелою и началъ дальнѣйшія наступательныя дѣйствія. Лѣтомъ 1611 года онъ овладѣлъ Новгородомъ. Не видя никакого выхода изъ тяжелаго положенія, новгородцы признали царемъ одного изъ сыновей шведскаго короля, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы на это потомъ согласилась вся Россія. Обширный Новгородскій край оказался въ рукахъ шведовъ.

Мѣсяцемъ раньше палъ многострадальный Смоленскъ. Болѣе чѣмъ полтора года, мужественные защитники города отбивались отъ непріятельскихъ приступовъ, выдерживали непрерывную артиллерійскую пальбу, жили въ постоянномъ ожиданіи страшныхъ подкоповъ. Много храбрецовъ пало въ бою на городскихъ стѣнахъ, много погибло и отъ разныхъ болѣзней, особенно отъ цынги. Къ началу второго года осады оставалось лишь нѣсколько сотенъ годныхъ къ бою людей.

Доблестный воевода Шеинъ и слышать не хотѣлъ о сдачѣ.

Въ Смоленскѣ нашелся измѣнникъ-перебѣжчикъ, который указалъ полякамъ слабое мѣсто въ крѣпостной стѣнѣ. Сюда-то они и направили всю силу своего артиллерійскаго огня, сдѣлали въ стѣнѣ проломъ, черезъ который и ворвались въ городъ. Русскіе продолжали защищаться на городскихъ улицахъ, но горсть храбрецовъ не могла уже сопротивляться многочисленнымъ врагамъ. Когда герои увидѣли, что все уже кончено, то одна часть ихъ зажгла пороховой складъ подъ домомъ архіепископа и взлетѣла на воздухъ.

Вмѣстѣ съ Смоленскомъ и вся область перешла подъ власть польскаго короля.

Еще раньше покорена была поляками Черниговская область. Засидѣвшійся подъ Смоленскомъ Сигизмундъ спѣшилъ теперь въ Варшаву на сеймъ—торжествовать свою побѣду и просить денегъ на дальнѣйшую войну съ Москвою. Къ этому времени онъ убѣдился, что Россія добровольно не признаетъ его своимъ государемъ.

Великіе послы продолжали твердо стоять на условіяхъ избранія Владислава. Когда отъ нихъ требовали написать Ляпунову и другимъ воеводамъ, чтобы тѣ отошли отъ Москвы, то митрополитъ Филаретъ отвѣчалъ:

— Я все согласенъ претерпѣть, а этого не сдѣлаю, пока не утвердите всего, отъ насъ поданнаго въ договорѣ.

За такія рѣчи Сигизмундъ объявилъ московскихъ пословъ плѣнниками, вопреки всѣмъ правиламъ международныхъ сношеній. У нихъ отняли все имущество, и отправили ихъ въ Польшу. Мѣстомъ заключенія для нихъ избрана была далекая Маріенбургская крѣпость (въ польской Пруссіи).

На варшавскомъ сеймѣ, осенью 1611 года, Сигизмундъ подарилъ польскому народу особою грамотою двѣ отнятыя имъ у Москвы области — Смоленскую и Черниговскую. На этомъ же сеймѣ король доставилъ себѣ еще разъ удовольствіе—принять, при самой торжественной обстановкѣ, изъ рукъ гетмана Жолкѣвскаго, бывшаго Московскаго царя, несчастнаго Василія Шуйскаго съ братьями. Послѣ этого новаго несправедливаго униженія, Василій Ивановичъ заточенъ былъ въ Гостынскій замокъ (въ 130 верстахъ за Варшавой), гдѣ въ слѣдующемъ уже году онъ, его братъ Димитрій и его невѣстка умерли отъ горя и печали.

Вся Варшава ликовала по поводу счастливыхъ успѣховъ короля въ московской землѣ. Многія горячія головы уже дѣлили между собой на части покоренную Московію. Всѣ радовались, что исконный врагъ Польши побѣжденъ и униженъ. Значительная часть поляковъ думала, что большихъ расходовъ на окончаніе московской войны не потребуется. Самые расходы на нее

они разсчитывали покрыть средствами московской царской казны. Сеймъ отпустилъ на московскую войну очень немного денегъ.

Польскіе расчеты, повидимому, и въ самомъ дѣлѣ, готовы были оправдаться.

Въ первое время послѣ убійства Ляпунова, Заруцкій съ нѣкоторымъ успѣхомъ продолжалъ еще дѣйствовать подъ Москвой: онъ отнялъ у поляковъ Новодѣвичій монастырь, сжегъ занятый ими Китай-городъ. Но этимъ дѣло и ограничилось. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все слабѣе становилась осада Москвы.

Жестокій и безсовѣстный Янъ Сапѣга производилъ страшныя опустошенія къ сѣверу отъ Москвы. Его головорѣзы мучили и старыхъ, и малыхъ, и женщинъ, и дѣтей: отрѣзывали носы, уши, отрубали руки и ноги, жарили людей на угольяхъ, обсыпали порохомъ и зажигали жилища. Возвратившись къ Москвѣ съ этими извергами, Сапѣга нашелъ осаду ея уже настолько ослабѣвшей, что безъ особаго труда доставилъ осажденнымъ запасы награбленнаго продовольствія.

Осенью 1611 года, въ помощь осажденнымъ въ Москвѣ полякамъ, пришелъ съ новымъ войскомъ литовскій гетманъ Ходкевичъ. Заруцкій не смогъ ни остановить движенія къ Москвѣ его небольшого отряда, ни отрѣзать его отъ Москвы.

Ходкевичъ сталъ снабжать сидѣвшихъ въ Кремлѣ поляковъ продовольствіемъ, то уходя изъ-подъ Москвы, то возвращаясь къ ней. Отдѣльные отряды казаковъ и холоповъ Заруцкаго постоянно сами уходили изъ-подъ Москвы въ разныя стороны за продовольствіемъ. Правда, они безжалостно избивали поляковъ, также всюду рыскавшихъ за добычей; но главное дѣло — освобожденіе Москвы отъ поляковъ — становилось для Заруцкаго и его табора все болѣе неисполнимымъ.

Мало того, что казацко-холопскія полчища Заруцкаго оказались совершенно безсильными избавить Русь отъ польскаго завоеванія,—они тутъ же, подъ Москвой, готовы были опять уклониться на тотъ опасный путь самозванщины, который и привелъ Русь на край гибели.

Въ 1611 году въ Псковской области появился какой-то проходимецъ, принявшій на себя имя царя Димитрія Іоанновича, будто-бы еще разъ въ Калугѣ чудесно спасшагося отъ руки убійцъ. Когда Москва избрала на престолъ королевича Владислава, Псковъ рѣшительно отказался признать его царемъ. За это онъ подвергся ужасному разоренію, сперва отъ лютаго Лисовскаго, а потомъ отъ гетмана Ходкевича. Въ то же время и шведы, овладѣвшіе всей Новгородской землей, стремились подчинить своей власти и Псковскую область. Угрожаемый отовсюду иноземными врагами, не ожидая уже ниоткуда помощи, Псковъ, послѣ долгихъ колебаній, далъ у себя мѣсто новому самозванцу, объявившемуся первоначально въ Ивангородѣ.

Псковскіе приверженцы третьяго Лжедимитрія вошли въ сношенія съ казацко-холопскими таборами Трубецкого и Заруцкаго. Многіе въ этихъ таборахъ повѣрили, что Димитрій опять спасся; другіе, хотя и не повѣрили, но обрадовались такой вѣсти: у нихъ явилась надежда на то, что вернется прежнее разгульное время, которое было въ Тушинѣ и Калугѣ.

У Заруцкаго былъ свой готовый самозванецъ, маленькій сынъ Марины, мнимый царевичъ Иванъ Димитріевичъ, котораго потомъ прозвали по отцу «воренкомъ». Но Заруцкій теперь долженъ былъ уступить общему рѣшенію своихъ таборовъ и признать псковскаго самозванца. За Заруцкимъ послѣдовалъ и слабовольный князь Трубецкой. Впрочемъ, Заруцкій неискренно перешелъ на сторону новаго Лжедимитрія и продолжалъ сначала втайнѣ держать сторону Марины и ея сына, а потомъ и открыто отказался отъ псковскаго Лжедимитрія. Съ теченіемъ времени, ему удалось перетянуть на свою сторону и очень многихъ изъ своего войска.

Съ великою скорбію смотрѣли русскіе люди на то, какъ таяло подъ Москвой ополченіе, пришедшее на ея освобожденіе. Для всякаго становилось яснымъ, что не этому ополченію суждено изгнать поляковъ изъ Москвы и освободить отъ нихъ Русскую землю. А тутъ еще новая грозная опасность выросла передъ русскими людьми: возродилась самозванщина, столько уже лѣтъ губившая несчастную страну. Россіи прихо-

дилось вновь безропотно претерпѣвать всякое зло, и отъ чужихъ, и отъ своихъ. Иныя мѣстности по нѣсколько разъ уже раньше были опустошены, — теперь шли на нихъ новыя озвѣрѣвшія толпы, искавшія въ разоренной странѣ добычи и продовольствія. А что ждетъ Русь впереди, что станется съ ней въ концѣ-концовъ,—объ этомъ страшно было и подумать.

Населеніе прозвало эту послѣднюю пору смутнаго времени лихолѣтіемъ.

Выведенный изъ терпѣнія, нашъ кроткій народъ сталъ самъ подниматься противъ злыхъ коршуновъ, отовсюду на него налетавшихъ. Поднялись на защиту родныхъ гнѣздъ и дворяне, и посадскіе люди, и особенно крестьяне. Общее горе тѣсно соединило всѣхъ. Не только ближайшія къ Москвѣ мѣстности, но и вся страна отъ литовской границы сплошь покрылась маленькими отрядами возставшихъ, по преимуществу крестьянъ. Они повсюду подстерегали врага, неожиданно набрасывались на него, не давая уже ему никакой пощады. Въ особенности плохо пришлось полякамъ зимой, когда крестьяне на лыжахъ стали всюду налетать на вражескую конницу, вязнувшую въ глубокомъ снѣгу.

Но всѣ эти отряды дворянъ и крестьянъ дѣйствовали отдѣльно одинъ отъ другого, не имѣли ни одного общаго начальства, ни одного общаго направленія своихъ дѣйствій. Они могли сильно досадить врагамъ, могли при случаѣ отнять у нихъ награбленное добро, могли иногда даже истребить нѣсколько человѣкъ. Но этого было слишкомъ недостаточно для сколько нибудь успѣшной борьбы съ поляками и самозванщиной. Уныніе и печаль распространились по всему лицу измученной Русской земли. Русскіе люди рѣшительно не знали, чѣмъ и какъ пособить своему великому горю; плакали, молились, постились. Не сразу просвѣтлѣлъ смыслъ народа, но сокрушеніе о своихъ грѣхахъ, сознаніе своихъ недостатковъ, вѣрно вели къ просвѣтлѣнію этого смысла. Для спасенія своего, народу нужно было прежде всего раскаяться въ своемъ главномъ грѣхѣ—въ давнемъ и страшномъ внутреннемъ разъединеніи русскихъ людей разныхъ сословій.

Патріархъ Гермогенъ, оповѣстившій раньше всю Русь объ опасности отъ поляковъ, спѣшилъ теперь предупредить всѣхъ о новой грозной опасности. Первосвятитель возвысилъ свой мужественный голосъ противъ самозванщины, будучи вполнѣ убѣжденъ, что ею болѣе всего питается пагубное разъединеніе русскихъ людей. Къ нему, въ подземелье Чудова мона-

Патріархъ Гермогенъ въ подземельѣ Чудова монастыря.

стыря, когда осада Москвы немного ослабѣла, опять проникли безстрашные нижегордцы Пахомовъ и Мосеевъ. Черезъ нихъ, измученный въ тяжкомъ заключеніи, патріархъ послалъ въ Нижній-Новгородъ новую свою грамоту, въ которой просилъ нижегородцевъ крѣпко стоять за православную вѣру, противъ казацкихъ атамановъ, замысливших возвести на царство Маринкина сына. Архипастырь велѣлъ нижегородцамъ переслать эту грамоту въ Казань, Вологду, Рязань и другіе города, чтобы и всѣ возстали противъ самозванщины. Онъ выражалъ желаніе, чтобы нижегородцы Пахомовъ и Мосеевъ самолично поѣхали по разнымъ городамъ и вездѣ устно передали его волю. Не каза-

ковъ патріархъ Гермогенъ считалъ зловредными, а ихъ атамановъ, особенно Заруцкаго, столько зла уже принесшихъ Русской землѣ именемъ мнимаго царя Дмитрія.

13.

Начало Нижегородскаго ополченія.

Мысль о томъ, что все несчастье наше заключается во внутреннемъ разъединеніи, въ сословной враждѣ, распространялась повсюду, особенно въ сѣверо-восточной Руси. Въ концѣ лѣта 1611 года, жители Казанской земли—и не только русскіе, но и жившіе тамъ татары, чуваши, черемисы и вотяки, въ особыхъ грамотахъ, убѣждали жителей сосѣднихъ городовъ «быть всѣмъ въ совѣтѣ и соединеніи, другъ друга не побивати и не грабити», не принимать къ себѣ новыхъ воеводъ и иныхъ властей, если бы ихъ прислали къ нимъ казацкіе атаманы, крѣпко держаться нынѣшнихъ своихъ воеводъ и властей, пока вся Русская земля не изберетъ на царство государя.

Особенно сильное дѣйствіе произвела грамота патріарха Гермогена въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда неустрашимые земляки доставили ее 25 августа того же 1611 года. Нижній былъ старинный чисто-русскій городъ на самомъ восточномъ краю православно-русскаго міра, почти уже четыреста лѣтъ простоявшій на своемъ отвѣтственномъ посту. Всю послѣднюю тяжелую пору жизни Московскаго царства, когда все кругомъ падало и валилось въ безпорядкѣ, Нижній-Новгородъ твердо стоялъ на этомъ посту. Онъ ни разу не поклонился Тушинскому вору, онъ не послѣдовалъ за боярской думой, когда она стала постыднымъ орудіемъ польскаго короля.

Теперь нижегородцы признавали одного патріарха верховною властью на Руси, зная, что архипастырь и въ тяжеломъ заключеніи сохранилъ свободу своего православно-русскаго духа. Торговые и промышленные нижегородцы много пострадали отъ смуты, но не разорились окончательно, какъ другіе города, кото-

рые не устояли передъ самозванщиной. Городская нижегородская община, объединившая всѣхъ занимавшихся торговлей и промыслами тяглыхъ людей города, не разрушилась. Она попрежнему относилась ко всему происходившему на Руси осмысленно. Она не могла не сообразить, что корень всего зла—во взаимной сословной враждѣ, а сознавши это, не могла не стремиться къ ослабленію этой вражды. Притомъ торгово-промышленные городскіе люди неповинны были въ закрѣпощеніи крестьянъ, неповинны были въ усиленіи холопства. Многіе изъ нихъ сами близко примыкали къ крестьянству.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ патріаршая грамота воспламенила высокое чувство любви къ погибавшей родинѣ прежде всего среди городскихъ, попреимуществу торговыхъ людей. Эти «послѣдніе уже оставшіеся люди" на Руси, какъ они сами себя назвали, увидѣли, что и для государства Московскаго пришла послѣдня пора. Они быстро сообразили, что для спасенія Москвы и съ нею всей Россіи отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ нужно прежде всего новое, бодрое и храброе ополченіе, а для того, чтобы оно составилось, вооружилось и успѣшно повело свое дѣло, необходимы достаточныя денежныя средства. Торговые люди Нижняго Новгорода и стали думать объ этихъ средствахъ. Болѣе всѣхъ о нихъ хлопоталъ выборный земскій городской староста, мясной торговецъ, Кузьма Мининъ.

Сердце Минина давно обливалось кровью при видѣ несчастій и бѣдствій, обрушившихся на святую Русь. Его душа съ мольбой о помощи и вразумленіи обращалась къ небу, и вотъ преподобный Сергій, Радонежскій чудотворецъ, явившись ему во снѣ, велѣлъ собирать казну, снабжать ею ратныхъ людей и итти съ ними на очищеніе Московскаго государства. Кузьма Мининъ тотчасъ началъ собирать денежныя пожертвованія на войско и убѣждать къ этимъ пожертвованіямъ въ самой земской избѣ, гдѣ было сосредоточено управленіе городскими людьми.

Обитель преподобнаго Сергія также продолжала великое дѣло патріарха Гермогена. Осенью 1611 года, она пришла съ новымъ словомъ ободренія и мольбы къ воспрянувшимъ духомъ нижегородцамъ. Русскіе люди

всегда глубоко чтили святую обитель. Теперь же, когда монастырь мужественно отбилъ, по милости Божіей, шестнадцати-мѣсячную осаду, они стали относиться къ нему еще съ большимъ благоговѣніемъ и любовью. Въ послѣднее лихолѣтіе обитель преподобнаго Сергія широко раскрыла свои двери для всѣхъ несчастныхъ. Послѣ сожженія Москвы поляками, все населеніе ея должно было бѣжать изъ пылающаго города, лишившись всего своего имущества. Немногимъ лучше было и положеніе окрестнаго народа, въ конецъ разореннаго долгою смутою. Вся мѣстность вокругъ Москвы на далекое разстояніе была усѣяна полуживыми людьми, измученными, искалѣченными. Большая часть ихъ тащилась и ползла къ Троице-Сергіевой обители: на нее только и осталась у нихъ надежда.

Архимандритъ Діонисій.
(Изъ «Древн. Рос. Госуд.» Солнцева).

Архимандритъ обители св. Діонисій рѣшилъ всѣ силы братіи, все имущество монастыря обратить на дѣло христіанскаго милосердія. Всѣхъ приходившихъ въ обитель кормили, больныхъ лѣчили, ослабѣвшихъ въ пути разыскивали по дорогамъ, тѣла умершихъ приносили въ обитель и по-христіански хоронили. Тысячи несчастныхъ спасены были отъ голодной смерти. Дѣятельнымъ помощникомъ Діонисія былъ неутомимый келарь (казначей) Авраамій Палицынъ.

Отъ попеченія о несчастныхъ москвичахъ св. Діонисій осенью 1611 года обратился къ заботамъ о всей Русской землѣ. Слѣдуя примѣру страдальца — патріарха Гермогена, который и поставилъ его архимандритомъ Троице-Сергіевой обители, преподобный Діони-

сій сталъ составлять и разсылать повсюду краснорѣчивыя грамоты, призывавшія русскихъ людей къ спасенію столицы и очищенію Руси отъ враговъ. Одна изъ этихъ грамотъ, писанная 6 октября, пришла въ Нижній-Новгородъ.

Для прочтенія ея собрались на воеводскомъ дворѣ уже не одни городскіе старосты, и въ числѣ ихъ Кузьма Мининъ, но и представители всѣхъ другихъ сословій: духовнаго, военно-служилаго, приказнаго. По предложенію Кузьмы, рѣшили на другой же день всенародно прочесть Троицкую грамоту въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ. Такъ и сдѣлали. Протопопъ Савва Ефимьевъ прочиталъ народу грамоту и отъ себя сказалъ убѣдительное слово. Грамота произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Народъ не расходился и толпился возлѣ собора.

Растроганный до глубины души, Кузьма Мининъ самъ обратился къ народу. Изъ его устъ полилась пламенная рѣчь. Онъ указывалъ народу на ту страшную пропасть, въ которой очутилось уже Русское православное царство. Онъ умолялъ нижегородцевъ не дать родной странѣ погибнуть въ этой пропасти. Онъ умолялъ ихъ ничего не пожалѣть, только бы спасти родину. Слова великаго русскаго человѣка глубоко запали всѣмъ въ душу.

Отъ добровольныхъ пожертвованій на ратныхъ людей нижегородцы перешли ко установленію особыхъ налоговъ на военныя надобности. Налоги были опредѣлены очень крупные, но доблестные нижегородцы не остановились передъ этимъ. Нѣкоторые богатые люди, и сверхъ налоговъ, продолжали дѣлать добровольныя пожертвованія на святое дѣло. Кузьма Мининъ единогласно избранъ былъ окладчикомъ по сборамъ, т.-е. ему предоставлено было право указать, сколько денегъ на ратныхъ людей долженъ уплатить тотъ или другой городской дворъ, сообразно съ достаткомъ его владѣльца, и на Минина же возложена была обязанность собрать въ казну самыя деньги. Кузьма Мининъ весь отдался этому чрезвычайно трудному дѣлу, не щадя своихъ силъ, и Господь благословилъ успѣхомъ его великіе труды. Съ Нижняго и его уѣзда вскорѣ собрана была большая денежная

Козьма Мининъ говоритъ рѣчь народу.
Съ карт. Маковскаго въ Нижегородскомъ музеѣ.

казна. Примѣру Нижняго послѣдовали сосѣдніе города Балахна и Гороховецъ съ уѣздами.

Когда собрана была казна, Кузьма Мининъ и нижегородцы стали искать ратниковъ. Сама судьба имъ помогла. Имъ предложили свои услуги двѣ тысячи смоленскихъ военно-служилыхъ людей, изъ уѣздовъ Смоленскаго, Вяземскаго и Дорогобужскаго. Эти слу-

жилые люди ушли изъ родныхъ мѣстъ при нашествіи польскаго короля и находились тогда въ предѣлахъ Нижегородской области, гдѣ имъ обѣщаны были новыя мѣста для поселенія. Двѣ тысячи опытныхъ въ военномъ дѣлѣ смольнянъ, вязмичей и дорогобужцевъ составили первое крѣпкое ядро ополченія. Къ нимъ постепенно присоединились военно-служилые люди Нижегородскаго и сосѣднихъ уѣздовъ, разсѣянные и обезсиленные долгою смутою.

Въ предводители ополченія Кузьма Мининъ и нижегородцы призвали князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, жившаго тогда въ Суздальскомъ уѣздѣ и лѣчившагося отъ ранъ, полученныхъ минувшимъ лѣтомъ подъ Москвой. Князь Пожарскій во всю долгую смуту не запятналъ себя никакимъ нехорошимъ поступкомъ: онъ не служилъ Тушинскому самозванцу, не искалъ милостей у короля Сигизмунда; а для чистаго, святого дѣла нуженъ былъ во главѣ его чистый, неподкупный человѣкъ! Нижегородское посольство, прибывшее къ князю Пожарскому въ его имѣніе, умоляло его принять на себя начальство надъ ополченіемъ. Пожарскій согласился на это подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Кузьма Мининъ остался распорядителемъ всей хозяйственной части ополченія и сопровождалъ его въ походѣ подъ самую Москву. Такъ любовно соединились для спасенія родины военная доблесть служилаго князя и мудрая хозяйственность городского торговаго человѣка!

Съ прибытіемъ князя Пожарскаго въ Нижній (въ концѣ октября 1611 года) военная подготовка ополченія къ походу быстро пошла впередъ.

Зародившееся въ Нижнемъ народное движеніе разросталось шире и шире. Пошло оно, прежде всего, внизъ по Волгѣ, гдѣ на призывъ нижегородскихъ грамотъ отозвалась Казань и другіе города. Встрепенулась и двинулась на спасеніе Москвы и сѣверная Русь, съ Ярославлемъ и Вологдой во главѣ. Наконецъ, къ движенію примкнули Коломна, Рязань и даже нѣкоторые изъ тѣхъ городовъ, которые до сихъ поръ держали сторону самозванцевъ: на нихъ повліяла судьба Черниговско-Сѣверской Украйны, подпавшей подъ тяжелое польское иго. Изъ южныхъ

украинныхъ городовъ пришли къ Минину и Пожарскому даже казаки и другіе низшіе служилые люди, не хотѣвшіе болѣе слушаться Заруцкаго и иныхъ измѣнниковъ-атамановъ. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ шли ратные люди; всюду собирались деньги на войну.

Мининъ и Пожарскій.
Съ рисунка В. Верещагина.

Постепенно большія земскія военныя силы собрались подъ знаменами князя Пожарскаго. Это былуже не мѣстное, нижегородское, а общерусское ополченіе. Благодаря необычайной ревности и хозяйственной распорядительности Кузьмы Минина, оно снаб-

жено было въ полномъ достаткѣ и оружіемъ, и продовольствіемъ. Опытный въ военномъ дѣлѣ князь Пожарскій успѣлъ въ короткій срокъ дать ему надлежащее устройство.

Въ новомъ освободительномъ ополченіи царили миръ и согласіе. Сословная вражда совсѣмъ тамъ замолкла. Кто еще не исцѣлился отъ этого пагубнаго зла, тому не было здѣсь мѣста. На такихъ смотрѣли, какъ на измѣнниковъ, ихъ не допускали въ ряды ополченія. Волею Божіею, въ рукахъ Минина и Пожарскаго находилась тогда вся судьба Россіи. Они оба сами хорошо сознавали свое высокое, но и отвѣтственное положеніе. Изъ выборныхъ людей они устроили при себѣ особый земскій совѣтъ, съ которымъ обсуждали и рѣшали всѣ важнѣйшія дѣла. Но не трудно было Минину и Пожарскому рѣшить съ земскимъ совѣтомъ эти дѣла, такъ какъ у всѣхъ участниковъ ополченія была одна мысль, одно желаніе— спасти отъ гибели православное Русское царство.

14.

Освобожденіе Москвы.

Къ концу зимы все уже было готово къ выступленію въ походъ. Вѣсти объ этомъ разносились повсюду, привлекая новыхъ и новыхъ ратниковъ подъ знамена князя Пожарскаго.

Дошли эти вѣсти и до томившагося въ тяжкомъ заключеніи патріарха Гермогена. Сидѣвшіе вмѣстѣ съ поляками въ Кремлѣ русскіе измѣнники, исполняя волю злобнаго Гонсѣвскаго, требовали отъ Гермогена написать въ Нижній-Новгородъ грамоту, воспрещавшую походъ. Изможденный, полуслѣпой уже старецъ отвѣтилъ имъ:

— Да будутъ благословенны тѣ, что идутъ на очищеніе Московскаго государства, а вы, окаянные измѣнники, да будете прокляты!

Святитель не дожилъ до конца зимы, когда доблестное Нижегородское ополченіе выступило въ походъ.

онъ скончался въ подземельѣ Чудова мостыря, 17 февраля 1612 года.

Пожарскій и Мининъ не пошли прямымъ путемъ изъ Нижняго въ Москву. Имъ нужно было еще усилить свое войско новыми отрядами изъ далекой сѣверной Руси, да и страшно было, какъ-бы враги не отрѣзали ихъ отъ этого края, и богатаго — благодаря торговлѣ и промысламъ, и почти не тронутаго взаимною сословною враждою. Нижегородское ополченіе двинулось на сѣверо-западъ и къ началу апрѣля пришло въ Ярославль, — большой торговый городъ, встрѣтившій спасителей родины съ великою радостью.

Въ Ярославлѣ Мининъ и Пожарскій пробыли съ ополченіемъ четыре мѣсяца. Для этого у нихъ были весьма важныя причины.

Прежде чѣмъ освободить Москву отъ поляковъ, нужно было привлечь на свою сторону казацко-холопскія полчища Трубецкаго и Заруцкаго, стоявшія подъ самой Москвой. Достигнуть же этого оказалось не такъ-то легко. Правда, небольшіе отряды простыхъ казаковъ, находившіеся въ болѣе близкихъ къ Ярославлю мѣстахъ, добровольно и охотно сами приставали къ ополченію князя Пажарскаго. Но все множество казаковъ, стоявшее подъ Москвою, находилось подъ вліяніемъ своихъ начальниковъ. Князь Пожарскій и Мининъ этимъ казацкимъ начальникамъ не довѣряли. Еще съ княземъ Трубецкимъ можно было столковаться, но съ вѣроломнымъ и коварнымъ атаманомъ Заруцкимъ никакого общаго дѣла нельзя было вести. Онъ даже подсылалъ въ Ярославль къ князю Пожарскому убійцъ, — къ счастію промахнувшихся. Онъ не прочь былъ войти въ тайныя сношенія съ поляками. Въ казацкихъ таборахъ подъ Москвою онъ сумѣлъ забрать всю силу: такъ этотъ хитрецъ обошелъ простодушныхъ казаковъ!

Троице-Сергіева обитель, лежавшая на пути изъ Ярославля въ Москву, употребляла всѣ силы, чтобы скорѣе привести стоявшихъ подъ Москвою казаковъ къ соединенію съ ополченіемъ князя Пажарскаго. До обители дошли слухи, что на выручку засѣвшихъ въ Москвѣ поляковъ вновь идетъ съ войскомъ и боль-

шими запасами продовольствія литовскій гетманъ Ходкевичъ. Вѣсти эти доходили до Ярославля и изъ другихъ мѣстъ. Дальнѣйшее промедленіе земскаго ополченія въ Ярославлѣ могло имѣть уже дурныя послѣдствія. Хотя казацкое ополченіе еще не возбуждало къ себѣ полнаго довѣрія, но князь Пожарскій и Мининъ рѣшили не медлить болѣе выступленіемъ въ походъ.

Пожарскій и Мининъ попрежнему дѣйствовали во всемъ въ согласіи съ находившимся возлѣ нихъ земскимъ совѣтомъ, ставшимъ теперь уже совѣтомъ всей земли Русской. Въ этотъ совѣтъ въ Ярославлѣ входили и духовныя лица съ бывшимъ ростовскимъ митрополитомъ Кирилломъ во главѣ, и высшіе боярскіе чины, и выборные отъ разныхъ областей. Всякое дѣло совершалось съ общаго совѣта, и послѣдующее время показало, что Мининъ и Пожарскій правильно поступали, призвавши себѣ въ помощь совѣтъ всей земли. Такъ какъ на Руси тогда не было ни царя, ни патріарха, ни боярской думы, то въ руки князя Пожарскаго и Минина и этого совѣта всей земли временно перешла верховнаго власть и надъ всею Русью.

Въ то время, когда ополченіе князя Пожарскаго находилось въ Ярославлѣ, самозванщина на Руси сама собою стала падать. Псковъ отказался отъ утвердившагося въ немъ новаго самозванца. Тогда же погибъ и этотъ третій Лжедимитрій. Когда Пожарскій пришелъ съ своимъ ополченіемъ въ Ростовъ, до него дошло извѣстіе, что и главный тогда на Руси заводчикъ смуты, атаманъ Заруцкій, ушелъ изъ-подъ Москвы въ Рязанскую область, захвативши съ собой Марину съ ея маленькимъ сыномъ. Съ ними ушла изъ-подъ Москвы и та казацкая, и холопская голытьба, которую онъ успѣлъ склонить на сторону малютки-самозванца.

Во главѣ казаковъ подъ Москвой остался князь Трубецкой. Когда 14 августа 1612 года князь Пожарскій прибылъ изъ Ростова съ ополченіемъ въ Троице-Сергіеву обитель, сюда же явились и посланцы отъ Трубецкаго съ извѣщеніемъ, что Ходкевичъ приближается къ Москвѣ. Трубецкой просилъ архимандрита

обители убѣдить князя Пожарскаго поскорѣе итти къ Москвѣ.

18 августа народное ополченіе, сопровождаемое крестнымъ ходомъ всей монастырской братіи, двинулось къ Москвѣ. Архимандритъ обители св. Діонисій на высокой горѣ, далеко за монастырской стѣной, среди окружавшаго со всѣхъ сторонъ гору войска, отслужилъ напутственное молебствіе съ молитвою къ Господу Богу о дарованіи побѣды надъ врагами. Когда,

Пожарскій въ битвѣ подъ Москвой.
(Съ карт. Шарлемана).

войско двинулось въ походъ, преп. Діонисій еще долго стоя на горѣ, молился, осѣняя рать святымъ крестомъ. Келарь обители Авраамій Палицынъ отправился съ войскомъ въ Москву.

21 августа, послѣдніе уже люди русскіе, собравшіеся для спасенія своей вѣры и отечества, увидѣли обгорѣлыя развалины многострадальной Москвы. Возлѣ этихъ печальныхъ развалинъ стояла, тамъ и сямъ, таборами казацко-холопская голытьба, почти озвѣрѣв-

шая за долгіе мѣсяцы холода и голода, совсѣмъ сбитая съ толку своими предателями-атаманами: Но и у этой голодной, обнищавшей, полуодѣтой голытьбы уже стало просыпаться доброе руское народное чувство: на смѣну пагубной сословной вражды стала выступать спасительная любовь къ единой для всѣхъ православной вѣрѣ и къ родному для всѣхъ Русскому царству.

Великое счастье, что Мининъ и Пожарскій во-время пришли къ столицѣ: опозданіе на одинъ день могло имѣть роковыя послѣдствія.

22 августа утромъ Ходкевичъ уже подошелъ къ Москвѣ съ значительнымъ войскомъ и большимъ обозомъ продоволствія для осажденныхъ въ Москвѣ поляковъ. Въ тотъ же день произошло и первое сраженіе между Ходкевичемъ и княземъ Пожарскимъ. Жестокій бой продолжался восемь часовъ: русскіе и поляки дрались даже въ рукопашную.. Поляки изъ Кремля сдѣлали смѣлую вылазку.

Трубецкой не подалъ изъ своихъ таборовъ помощи Пожарскому. Но въ нѣкоторой части его казаковъ заговорило родное русское чувство, и они самовольно бросились своимъ на помощь. Эти образумившіеся казаки крикнули своимъ атаманамъ:

— Отъ вашей ссоры Московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба становится.

Казацкая помощь пришла въ пору изнуреннымъ долгимъ и жестокимъ боемъ земскимъ ратникамъ. Ходкевичу не удалось пробиться сквозь русское ополченіе и доставить въ Москву полякамъ обозъ съ продовольствіемъ.

Черезъ день, 24 августа, бой съ новой силой возобновился, такъ какъ Ходкевичъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, пробиться съ обозомъ въ Кремль.

Долго князь Пожарскій одинъ выдерживалъ этотъ бой: Трубецкой вяло его поддерживалъ. Лихая польская конница стремительнымъ натискомъ смяла и втоптала въ Москву-рѣку нѣкоторые полки земскаго ополченія. Сидѣвшіе въ Кремлѣ поляки, съ своей стороны, сдѣлали вылазку. Князь Пожарскій самъ устоялъ на мѣстѣ, ободрилъ ратниковъ, пріостановилъ въ

войскѣ своемъ смятеніе; но и онъ самъ, и Мининъ видѣли, что для окончательнаго отпора полякамъ нужны свѣжія подкрѣпленія.

По ихъ просьбѣ, келарь Авраамій оправился въ казацкіе таборы и умолялъ казаковъ подать руку помощи братьямъ. Увѣщаніе и просьбы старца подѣйствовали на казаковъ. Они немедленно всей силой бросились на поляковъ съ словами: «Сергій! Сергій!»

Знамя князя Пожарскаго.

Самъ Кузьма Мининъ ринулся въ бой. Съ тремя сотнями ратниковъ онъ стремительно ударилъ на двѣ польскія роты, стоявшія на Замоскворѣчьѣ, и обратилъ ихъ въ бѣгство. Примѣръ Минина сильно подѣйствовалъ на всѣхъ ратниковъ ополченія.

Къ вечеру бой съ удвоенной силой возобновился на всемъ полѣ битвы. Ходкевичъ не выдержалъ одновременнаго натиска земскаго и казацкаго ополченій и быстро отступилъ. Всю ночь шла еще пальба по непріятельскому войску. Ходкевичъ не осмѣлился больше напасть на нашу рать. Простоявши еще три дня подъ Москвой, онъ ушелъ на западъ и далъ знать полякамъ, сидѣвшимъ въ Москвѣ, что черезъ три недѣли онъ вернется съ болѣе многочисленнымъ войскомъ.

Такимъ образомъ, единеніе русскихъ силъ на полѣ битвы подъ Москвой, давно жданное и же-

ланное, принесло свой первый прекрасный плодъ: Ходкевичъ былъ отбитъ отъ Москвы, засѣвшіе въ ней поляки не получили столь нужнаго имъ продовольствія.

Осада Китай-города и Кремля, занятыхъ поляками, затянулась еще на два мѣсяца. Поляки, подъ предводительствомъ храбраго полковника Струся, заступившаго не задолго передъ этимъ мѣсто Гонсѣвскаго, проявили необычайную твердость духа. Напрасно князь Пожарскій указывалъ имъ на то, что дальнѣйшее ихъ сопротивленіе безцѣльно, что польскій король подать имъ помощи не можетъ, что для нихъ остается одно — голодная смерть. Напрасно благородный русскій вождь обѣщалъ, въ случаѣ сдачи, сохранить имъ жизнь и даже дать средства на обратный путь изъ Россіи. Струсь не хотѣлъ и слышать о сдачѣ. Между тѣмъ запасъ продовольствія у осажденныхъ совершено истощился. Они стали ѣсть собакъ, кошекъ и крысъ, питались травой и кореньями, многіе умерли отъ голоду, многіе обезумѣли, стали даже питаться человѣческимъ мясомъ. Струсь все вѣрилъ, что придетъ польское войско на выручку своихъ.

Но неукротимый полковникъ напрасно на это надѣялся: король Сигизмундъ съ королевичемъ Владиславомъ вступилъ въ Московскіе предѣлы, но онъ былъ еще слишкомъ далеко отъ Москвы, да и войска съ нимъ шло немного. Между тѣмъ отъ голода и болѣзней воины Струся окончательно ослабѣли: они еле передвигали ноги, еле держали въ рукахъ оружіе. 22 октября русское ополченіе сдѣлало приступъ на Китай-городъ. Поляки, почти не защищаясь, ушли изъ него въ Кремль. Наконецъ, видя, что никакой надежды на спасеніе не осталось, мужественный Струсь отправилъ своихъ уполномоченныхъ къ князьямъ Пожарскому и Трубецкому съ заявленіемъ, что онъ готовъ сдаться военно-плѣннымъ, но съ условіемъ сохраненія жизни для всѣхъ уцѣлѣвшихъ его воиновъ. Условіе, конечно, было принято, и всѣ ворота Кремля открыты были поляками для русскихъ.

26 октября совершилось торжественное вступленіе освободителей Москвы и Россіи въ священныя стѣны Кремля. Впереди войска шелъ крестный ходъ: св.

Діонисій несъ на рукахъ чудотворную Казанскую икону Божіей Матери. Навстрѣчу ему вышелъ изъ Кремля другой крестный ходъ: просидѣвшій въ Кремлѣ всю тяжкую осаду пришлый греческій митрополитъ Арсе-

Памятникъ Минину и Пожарскому.

ній несъ чудотворную Владимірскую икону Божіей Матери. На Лобномъ мѣстѣ отслужено было благодарственное молебствіе, и оба крестныхъ хода, а за ними Мининъ, князь Пожарскій и князь Трубецкой, и обѣ рати, земская и казацкая, вступили въ Кремль.

За два дня до этого свѣтлаго торжества получили отъ поляковъ свободу и русскіе бояре, просидѣвшіе вмѣстѣ съ ними всѣ долгіе и ужасные дни осады. Это были по преимуществу тѣ бояре, которые два года тому назадъ призвали на Московское царство королевича Владислава.

Но среди освобожденныхъ русскихъ страдальцевъ находились и непричастные къ этому дѣлу люди. Таковъ былъ 16-лѣтній Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ съ его матерью инокиней Марѳой Ивановной. Ихъ поляки нарочно держали подъ своимъ надзоромъ въ Кремлѣ, какъ опасныхъ для королевича Владислава людей. Освободившись изъ плѣна, инокиня Марѳа съ сыномъ тотчасъ же уѣхала въ свои костромскія вотчины.

Король Сигизмундъ съ гетманомъ Ходкевичемъ находились на пути въ Вязьму, когда пришло къ нимъ извѣстіе о сдачѣ Кремля. Тѣмъ не менѣе они рѣшили продолжать походъ и дошли до Волоколамска, но не могли взять этого города, храбро защищаемаго казаками.

Наступила лютая зима. Опять на лыжахъ и инымъ путемъ со всѣхъ сторонъ стали нападать на польское войско летучіе отряды смѣлыхъ крестьянъ, вставшихъ на защиту Вѣры и Родины. Особенно эти летучіе отряды опасны были для польскихъ обозовъ съ продовольствіемъ.

Сигизмундъ повернулъ обратно.

15.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова.

Доброе согласіе русскихъ людей всѣхъ сословій вырвало Москву изъ рукъ враговъ. Но это было только началомъ спасенія Россіи.

Король Сигизмундъ, уходя изъ-подъ Волоколамска, всѣмъ и всюду объявлялъ, что слѣдующей же весной онъ снова, но уже съ большимъ войскомъ, явится въ

Москву, чтобы посадить на царскій престолъ Владислава. А атаманъ Заруцкій, бѣжавшій изъ-подъ Москвы съ толпою подобныхъ ему измѣнниковъ, грозилъ опять поднять легковѣрныя полчища народной черни именемъ новаго самозванца — сына Марины. Обѣ старыя опасности, и польская, и своя — самозванческая, все еще смотрѣли въ глаза злосчастной Россіи. Необходимо было спѣшить, чтобы побѣду надъ ними обѣими закрѣпить возстановленіемъ въ Москвѣ подлинной царской власти. А для этого надлежало возможно скорѣе избрать истиннаго царя, отъ одного имени котораго разсыпались бы въ прахъ и польскія козни, и русская самозванщина.

У вождей ополченія, двинувшагося изъ Нижняго-Новгорода на спасеніе погибавшей Россіи, съ самаго же начала похода первою мыслью и первымъ желаніемъ было поскорѣе избрать царя. Только царь, — думали и надѣялись и вожди, и ратники ополченія, — окончательно уничтожитъ на Руси пагубную сословную вражду, только царь водворитъ въ Русской землѣ полный миръ и спокойствіе, только царь дастъ Россіи совершенную безопасность отъ внѣшнихъ враговъ. Еще въ Ярославлѣ вожди ополченія хотѣли созвать земскій соборъ для избранія царя. Но тогда обстоятельства не позволяли этого. Теперь же, когда Москва освободилась отъ поляковъ, Мининъ и Пожарскій рѣшили немедленно, безъ отклада, той же еще зимой, дѣлавшей Москву малодоступной для враговъ, совершить великое дѣло избранія царя.

Въ ноябрѣ 1612 года, разосланы были по всѣмъ городамъ и уѣздамъ призывныя грамоты на земскій соборъ, обращенныя къ людямъ всѣхъ званій и состояній.

Въ январѣ 1613 года, стали прибывать въ Москву выборные отъ всѣхъ сословій и изъ всѣхъ мѣстъ Русской земли. Всѣ сословія имѣли на земскомъ соборѣ своихъ представителей. Ни одинъ земскій соборъ — ни прежде, ни послѣ — не былъ такимъ большимъ и полнымъ по составу, какъ земскій соборъ, собравшійся въ Москвѣ въ началѣ 1613 года. На этомъ соборѣ присутствовали представители не только дворянскаго и городского сословій, но и крестьянскаго, а также низ-

шихъ военно-служилыхъ людей и казаковъ. Всѣ они особо, въ каждомъ городѣ и уѣздѣ, выбраны были для участія въ великомъ дѣлѣ. Безъ выборовъ, въ полномъ составѣ, участвовали въ земскомъ соборѣ освященный соборъ (митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, протопопы), боярская дума и всѣ высшія гражданскія власти. Общее число участниковъ собора доходило до 700.

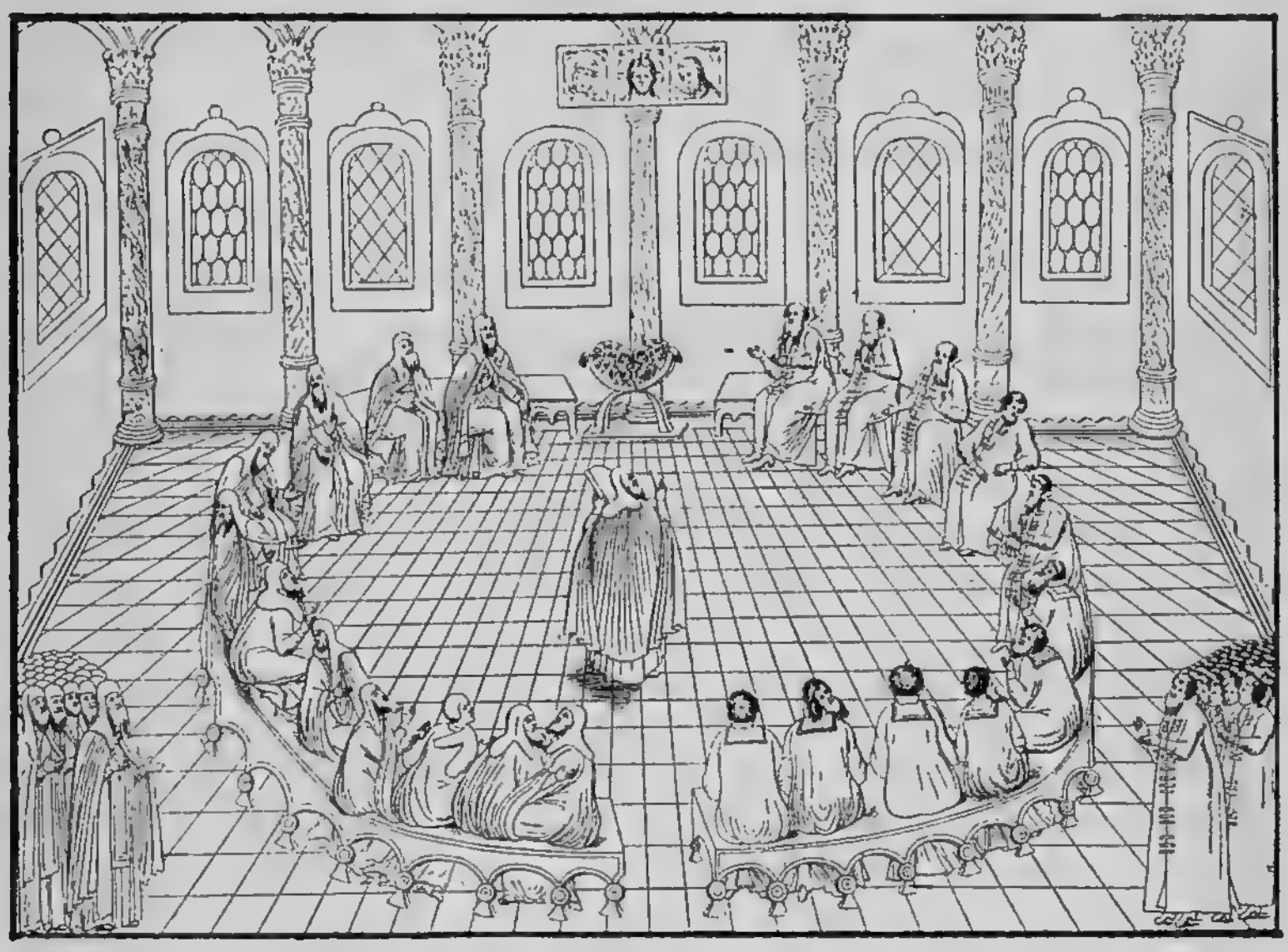
Когда члены собора съѣхались въ Москву, они рѣшили прежде всего очистить и укрѣпить свою совѣсть трехдневнымъ строгимъ постомъ: много тяжкихъ грѣховъ накопилось на совѣсти всѣхъ сословій Русской земли за долгіе годы самозванческой смуты, и главнымъ изъ нихъ была взаимная вражда, которою и смута питалась, и сосѣдніе народы пользовались во вредъ нашей землѣ. Всѣмъ народнымъ избранникамъ, собравшимся въ Москву, это стало ясно, какъ Божій день.

Лишь только, въ самомъ началѣ великаго земскаго собора, поставленъ былъ на рѣшеніе вопросъ о томъ, откуда, изъ кого избирать царя, всѣ они сразу и единогласно объявили, что они не желаютъ видѣть на царскомъ престолѣ ни польскаго королевича, ни шведскаго королевича, ни какого-либо иного иностраннаго принца, равно какъ не желаютъ на немъ видѣть и сына Марины. Великое дѣло царскаго избранія началось въ добромъ согласіи, и первое единодушное рѣшеніе собора было и мудро, и спасительно: рѣшено было избирать царя изъ русскихъ боярскихъ родовъ.

Но когда, затѣмъ, поставленъ былъ на рѣшеніе собора второй вопросъ, какой же русскій боярскій родъ призвать на престолъ, — у участниковъ собора не оказалось сразу единогласнаго на него отвѣта. Разныя лица называли разныя имена, но за каждый изъ названныхъ боярскихъ родовъ, кромѣ Романовыхъ, стояло лишь очень небольшое число участниковъ собора. Сравнительно больше голосовъ раздавалось въ пользу боярскаго рода князей Голицыныхъ; но Голицыны были потомками не нашего древняго Рюрика, а литовскаго великаго князя Гедимина, да и заявили себя въ смутную пору не особенно хорошо: дѣйствовали то за одно съ князьями Шуйскими, то противъ нихъ. За

Голицыныхъ, какъ и за другихъ бояръ княжескаго происхожденія, стояли собственно тѣ или иныя лица изъ высшаго сословія, связанныя съ ними родствомъ или личною пріязнью. Не въ нихъ весь земскій соборъ видѣлъ спасеніе Россіи.

Среди представителей рядового дворянства, городского и сельскаго населенія, а также среди предста-



Келарь Авраамій Палицынъ читаетъ Освященному собору и высшимъ боярамъ челобитье о призваніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова.

(Изъ «Книги объ избр. на царство Михаила Ѳеодоровича»).

вителей казачества, на счетъ будущаго царя не было колебаній, не было разногласія. Они всѣ единодушно встали за боярскій родъ Романовыхъ. Въ казацкихъ кругахъ подъ Москвой, еще осенью 1612 года, имя Михаила Ѳеодоровича Романова съ радостною надеждою передавалось изъ устъ въ уста.

Изстрадавшійся за долгіе годы смуты народъ съ трогательною любовью взиралъ на этотъ страдальче-

скій боярскій родъ, нѣкогда столь могущественный, а теперь за близкое родство свое съ угаснувшимъ царскимъ домомъ доведенный злыми недругами до полной почти гибели.

Изъ этого рода остались въ то время въ живыхъ только три человѣка: митрополитъ Филаретъ Никитичъ, братъ его Иванъ Никитичъ и сынъ Филарета Никитича Михаилъ Ѳеодоровичъ. Первый изъ нихъ, насильно постриженный въ монашество въ молодыхъ годахъ, томился въ тяжкомъ польскомъ плѣну, за многія сотни верстъ отъ Москвы. Второй, послѣ долгой, жестокой ссылки, былъ совсѣмъ больной, разбитый параличемъ. Третьему было только шестнадцать лѣтъ отъ роду, да и его недолгая еще жизнь была полна всякаго горя: и горечи разлуки съ родителями въ раннемъ дѣтствѣ, и всякихъ лишеній далекой ссылки, и всѣхъ ужасовъ подневольнаго сидѣнья съ поляками въ Кремлѣ

Не одни минувшіе свѣтлые дни, когда предки этихъ послѣднихъ Романовыхъ такъ вѣрно служили старому царствующему дому, принявшему ихъ и въ близкій родственный союзъ съ собою, — не одни эти свѣтлые дни роднили всѣхъ русскихъ людей съ боярскимъ родомъ Романовыхъ. Еще болѣе роднило русскихъ людей съ нимъ все то великое горе, которое обрушилось на Романовыхъ, вмѣстѣ со всею Русью, со времени Бориса Годунова и которое они переносили съ такою желѣзною твердостью. Съ благоговѣніемъ русскіе люди преклонялись передъ великими страданіями митрополита Филарета Никитича за Вѣру и Отечество, и подъ Смоленскомъ, и въ польскомъ плѣну.

Неудивительно, что то доброе согласіе, которымъ начался великій земскій соборъ, вскорѣ опять на немъ возобладало. На имени Михаила Ѳеодоровича Романова, какъ единственно возможнаго для Руси царя, сошлись между собою вполнѣ и совершенно — и дворяне, и казаки. Тѣ и другіе находили, что по прекращеніи мужскаго колѣна царствовавшаго дома царскій престолъ долженъ перейти къ женскому окольну этого дома, а таковое колѣно его и есть боярскій родъ Романовыхъ: Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ—самый близкій по женской линіи родствен-

Заглавный листъ изъ рукоп. книги: «Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова».

никъ послѣдняго царя старой династіи (его двоюродный племянникъ).

Одинъ дворянинъ галичскаго уѣзда (Костром. губ. и одинъ донской казачій атаманъ подали собору по этому поводу письменное заявленіе и объясненіе. Выходило, такимъ образомъ, по мнѣнію дворянъ и казаковъ, что земскому собору нечего долго и размышлять объ избраніи царя, что ему остается только торжественно подтвердить право на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, — данное ему Господомъ Богомъ въ самомъ рожденіи его. Письменное челобитье объ этомъ многіе дворяне, купцы и казаки передали и участнику земскаго собора келарю Авраамію Палицыну.

Такое мнѣніе быстро проникло въ умы и сердца всѣхъ участниковъ земскаго собора: малочисленные и прежде голоса въ пользу иныхъ бояръ стихли совсѣмъ. И въ кругу высшихъ правительственныхъ лицъ чистая, ни чѣмъ не запятнанная личность юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова не могла возбуждать ни у кого ни гнѣва, ни вражды.

Уже 7 февраля 1613 года всѣ участники земскаго собора единодушно высказались за избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова.

Но окончательное избраніе царя отложено было еще на двѣ недѣли. Рѣшено подождать, не прибудутъ ли еще новые участники собора изъ дальнихъ мѣстъ. Кромѣ того, не было еще въ то время въ Москвѣ нѣкоторыхъ высшихъ бояръ: послѣ освобожденія Москвы отъ поляковъ, державшіе ихъ сторону бояре разъѣхались по своимъ помѣстьямъ. Наконецъ, участникамъ собора хотѣлось убѣдиться въ томъ, что ихъ единодушное рѣшеніе раздѣляется и всѣмъ народомъ.

Въ теченіе этихъ двухъ недѣль непрерывно доносились до Москвы радостные клики: Русская земля ликовала, услыхавши имя Михаила Ѳеодоровича Романова.

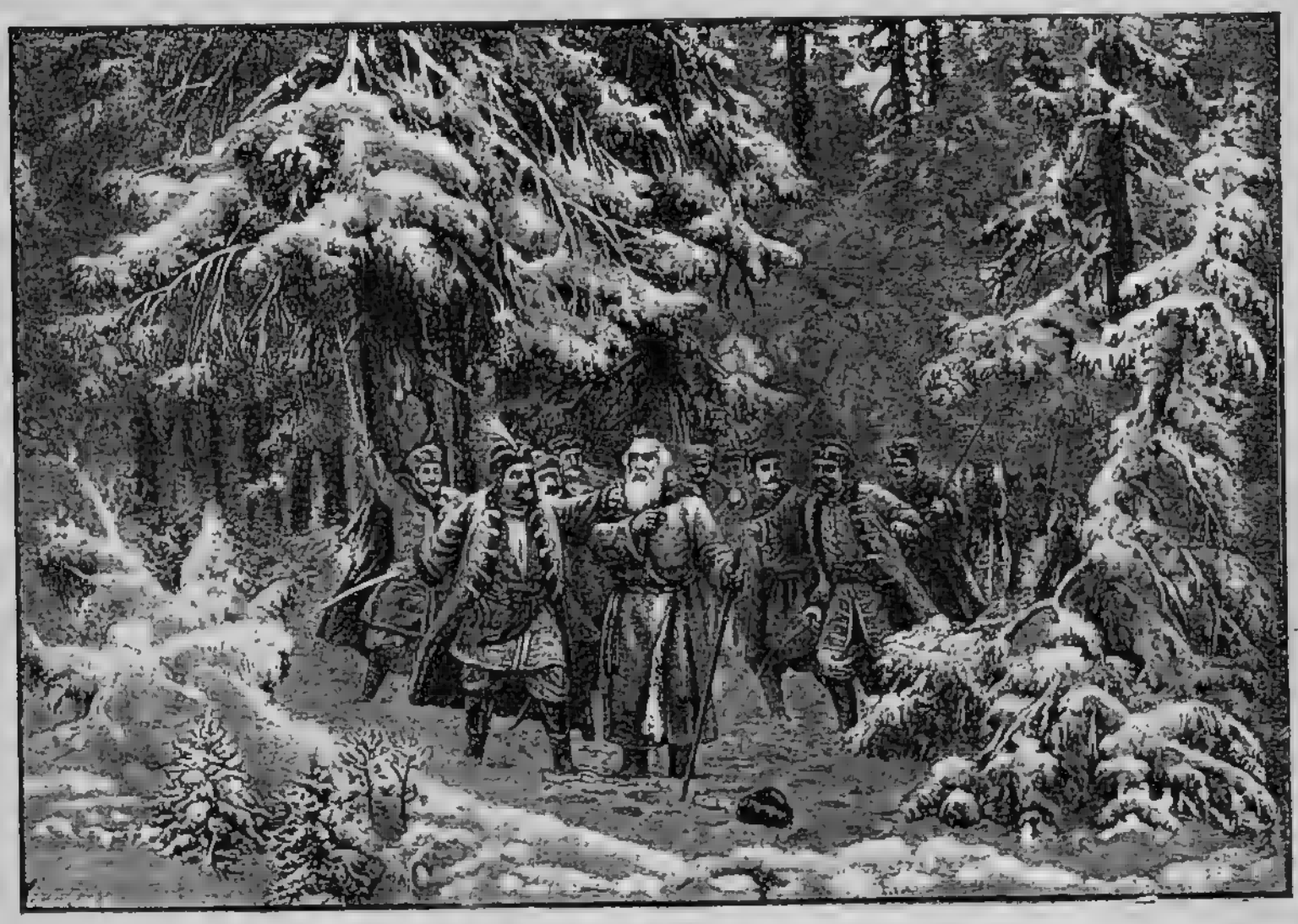
За это же время составъ собора пополнился и запоздавшими боярами.

21 февраля 1613 года, въ недѣлю Православія, всѣ участники собора собрались въ Успенскомъ соборѣ. Здѣсь, послѣ Божественной службы, приступили они съ благоговѣніемъ къ великому дѣлу избранія царя. Участники собора отъ каждаго сословія отдѣльно подали

свои мнѣнія письменно, и эти мнѣнія у каждаго сословія были единогласныя.

Оглашены были письменныя мнѣнія всѣхъ отдѣльныхъ частей собора... *Къ общей радости оказалось, что Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ избранъ на царство всѣми единогласно.*

Тотчасъ же нѣсколько участниковъ собора, во главѣ съ Рязанскимъ архіепископомъ Ѳеодоритомъ.



Смерть Ивана Сусанина.

вышли на Лобное мѣсто. Весь народъ громкими и радостными восклицаніями привѣтствовалъ избраніе царя Михаила. Въ Успенскомъ соборѣ отслужено было торжественное молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія новоизбранному царю. Тотчасъ же по всѣмъ городамъ разосланы были отъ земскаго собора извѣстительныя грамоты о совершившемся избраніи царя.

Новая радость пронеслась по широкому лицу Русской земли: всѣ спѣшили принести присягу вѣрности избранному всѣмъ народомъ Царю.

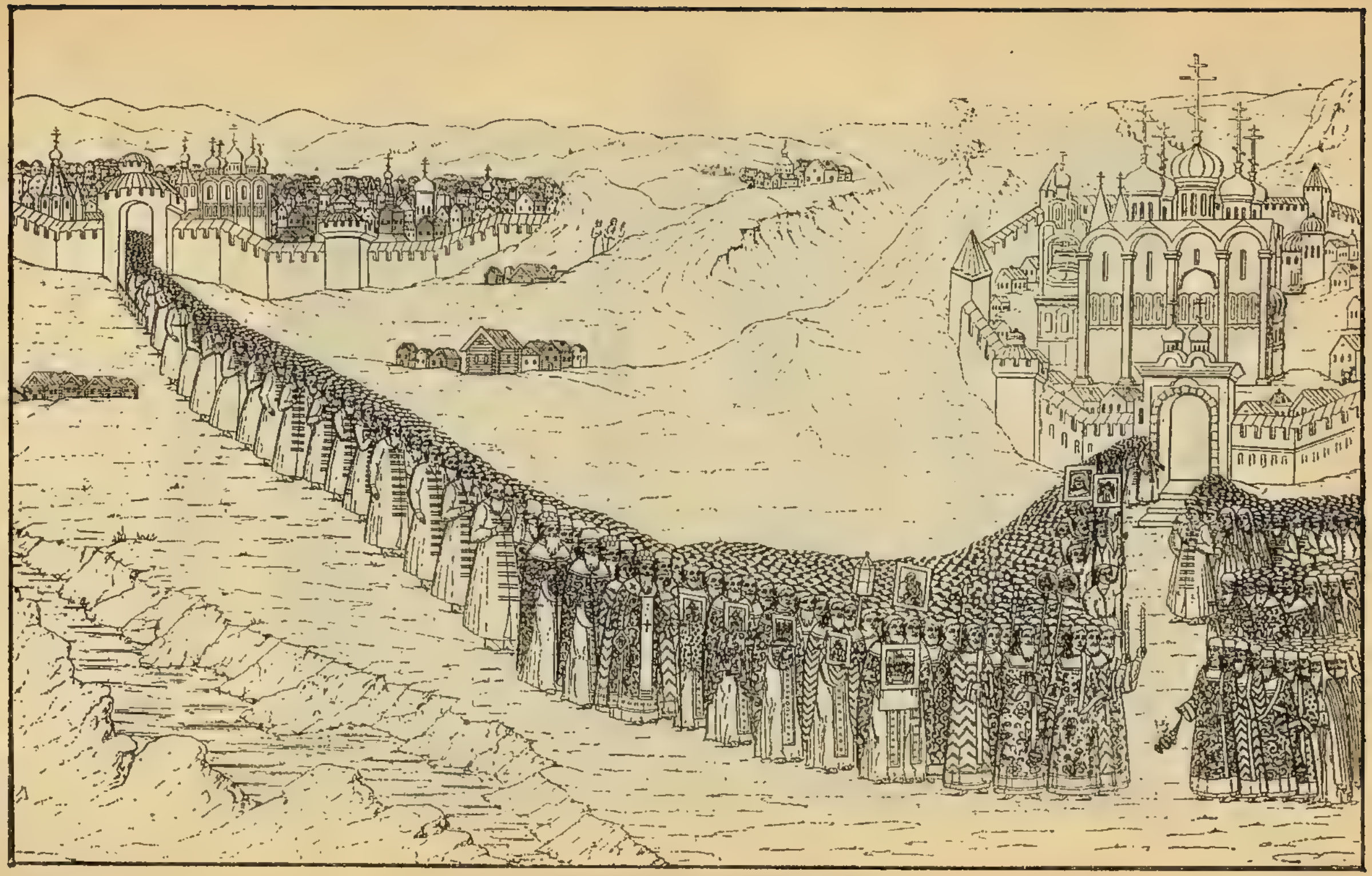
Земскій соборъ, избравши на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, не зналъ точно, гдѣ находится царственный избранникъ: такъ мало — Михаилъ Ѳеодоровичъ самъ и его мать помышляли о царскомъ вѣнцѣ! Снарядивши къ новоизбранному Царю многочисленное и именитое посольство, во главѣ съ архіепископомъ Ѳеодоритомъ и бояриномъ Шереметевымъ (родственникомъ Романовыхъ), соборъ велѣлъ ему ѣхать «въ Ярославль или гдѣ онъ, государь, будетъ».

Инокиня Марѳа.

Прежде чѣмъ посольство нашло новоизбраннаго царя, грозная опасность близко подошла къ избраннику народному. Поляки, рыскавшіе тогда всюду по Русской землѣ, узнали объ избраніи Михаила Ѳеодоровича.

По преданію, одна изъ польскихъ шаекъ, розыскивая его, пробралась въ Костромской уѣздъ. Не зная дороги въ село Домнино, гдѣ находился Михаилъ съ матерью, она схватила въ близкомъ къ Домнину поселкѣ Деревнищахъ крестьянина Ивана Сусанина и потребовала отъ него провести ее въ Домнино. Сусанинъ разгадалъ злой умыселъ поляковъ и тайкомъ послалъ своего зятя, Богдана Сабинина, въ Домнино къ инокинѣ Марѳѣ Ивановнѣ съ предупрежденіемъ о польскомъ злоумышленіи, а самъ повелъ поляковъ въ другую сторону отъ Домнина. Долго онъ водилъ ихъ по лѣсамъ и замерзшимъ болотамъ. Враги, наконецъ, догадались, въ чемъ дѣло, и зарубили Сусанина на смерть.

Безвѣстный дотолѣ, но великій душой крестьянинъ спасъ своею смертью новаго царя и вмѣстѣ съ нимъ возрождавшуюся Россію!



Великое посольство предъ Михаиломъ Θеодоровичемъ Романовымъ и его матерью у боротъ Ипатьевскаго монастыря.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.
Съ рис. В. Верещагина.

Великое посольство нашло Михаила Ѳеодоровича съ матерью его возлѣ Костромы, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, за крѣпкими стѣнами котораго они искали себѣ убѣжища отъ враговъ. Посольство прибыло въ Кострому 13 марта.

Патріархъ Филаретъ Никитичъ.

На слѣдующій же день оно вмѣстѣ съ костромскимъ духовенствомъ и костромскими властями двинулось, при колокольномъ звонѣ, въ монастырь. Впереди несли хоругви и образа въ числѣ которыхъ была и чудотворная Ѳеодоровская икона Божіей Матери. Михаилъ

Ѳеодоровичъ съ матерью встрѣтилъ крестный ходъ у монастырскихъ воротъ.

Великое посольство и всѣ пришедшіе били челомъ Михаилу Ѳеодоровичу, чтобы онъ, согласно соборному избранію, согласился стать царемъ, а инокиню Марѳу Ивановну просили благословить сына на царство.

Михаилъ Ѳеодоровичъ и мать его рѣшительно отказались. Они говорили «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ», и ихъ едва умолили итти въ монастырскій соборъ. Въ соборѣ, послѣ молебствія, послы, вручая Михаилу Ѳеодоровичу грамоту земскаго собора объ избраніи его на престолъ, возобновили свое моленіе. И въ соборѣ долго еще инокиня Марѳа не соглашалась благословить сына на царство, указывая на его несовершеннолѣтіе и на то ужасное состояніе, въ которое пришла Русская земля.

Трепещущая за жизнь сына, столько уже видавшаго горя, изстрадавшаяся мать бросила въ лицо посламъ и всѣмъ русскимъ людямъ жестокій укоръ. Она прямо сказала, что русскіе люди стали малодушными, что имъ вѣрить уже нельзя: не разъ уже они присягали въ вѣрности избираемымъ ими царямъ и всякій разъ нарушали данную присягу. Она высказывала также опасенія, какъ-бы польскій король не учинилъ какого зла надъ митрополитомъ Филаретомъ Никитичемъ, узнавши о воцареніи въ Москвѣ его сына.

Видя, что и мольбы не дѣйствуютъ, архіепископъ Ѳеодоритъ прибѣгнулъ къ угрозѣ судомъ Божіимъ. Владыка сказалъ, что если изъ-за отказа Михаила Русское царство, а съ нимъ и православная вѣра на Руси погибнутъ, то самъ Господь уже взыщетъ гибель ихъ на старицѣ Марѳѣ и на ея сынѣ.

Услышавши угрозу, Марѳа Ивановна перестала упорствовать. Михаилъ Ѳеодоровичъ согласился принять избраніе на царскій престолъ, а инокиня Марѳа благословить его на царство.

Четыре мѣсяца спустя, 11 іюля 1613 года, совершилось въ Москвѣ, со всѣмъ возможнымъ тогда великолѣпіемъ, священное коронованіе Михаила Ѳеодоровича на царство.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.
(Оружейная палата).

Россія, измученная долгою смутою, пришибленная тяжестью вражескихъ ударовъ, воспрянула духомъ, поднялась и ободрилась.

Юному родоначальнику новаго Царствующаго Дома много труда и заботъ предстояло на его царственномъ пути, чтобы побороть внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ возрождавшейся Россіи, чтобы залѣчить всѣ глубокія раны, нанесенныя ей этими врагами.

Но счастливая звѣзда уже взошла надъ Московскимъ Кремлемъ. Русское православное царство начало выходить изъ той пропасти, въ которую ввергли его долгая смута и опасное междуцарствіе.

Русскій народъ вѣрилъ въ своего царя, и царь Русскій вѣрилъ въ свой народъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Прекращеніе династіи Рюрика. Боярская семья Романовыхъ 5
2. Царствованіе Бориса Годунова. 6
3. Появленіе самозванца въ Польшѣ 13
4. Царь Борисъ и Лжедимитрій. Судьба бояръ Романовыхъ. 21
5. Лжедимитрій въ Москвѣ. 28
6. Царь Василій Шуйскій. 37
7. Тушинскій воръ. 43
8. Скопинъ-Шуйскій 50
9. Сверженіе Василія Шуйскаго съ престола. 55
10. Избраніе королевича Владислава на престолъ. 61
11. Патріархъ Гермогенъ. Прокопій Ляпуновъ. 67
12. Московское государство на краю гибели. 75
13. Начало Нижегородскаго ополченія. 81
14. Освобожденіе Москвы 88
15. Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова. 96

4.

L

РКТ
КР

28 ИЮЛ 44

4

№ 1-18
В

КЪ 300-ЛѢТІЮ ЦАРСТВОВ. ДОМА РОМА

выпущены слѣдующія изданія (книги и брошюры подъ ред. засл. проф. П.

1. Засл. проф. *Н. Михневичъ.* **Прошлое Россіи отъ Рюрика до Романовыхъ.** Ц. 30 к
2. Проф. *А. Елчаниновъ.* **Державный Домъ Романовыхъ.** Ц. 30 к.
3. Засл. проф. *И. Жуковичъ.* **Смутное время и воцареніе Романовыхъ.** Ц. 25 к.
4. *Н. Дучинскій.* **Воцареніе Державнаго Дома Романовыхъ.** Ц. 3 к.
5. *Л. Погожева.* **Безвинный страдалецъ—Михаилъ Никитичъ Романовъ.** Ц. 5 к.
6. *Е. Поселянинъ.* **Царица Анастасія Романовна.** Ц. 5 к.
7. *Его же.* **Герои и подвижники лихолѣтья XVII вѣка.** Ц. 15 к.
8. *Его же.* **Родоначальникъ Дома Романовыхъ—Патріархъ Филаретъ.** Ц. 10 к.
9. *Его же.* **Сусанинъ и его потомки.** Ц. 5 к.
10. *Н. Дучинскій.* **Три вѣка на Руси.** Ц. 10 к. Къ книжкѣ изготовлено 50 свѣт. карт. для публ. нар. чтен.: черн. по 40 к., раскр. по 1 р.
11. *Его же.* **Подъ скипетромъ Державнаго Дома Романовыхъ.** Ц. 5 к.
12. Засл. проф. *Н. Михневичъ.* **Русь и Домъ Романовыхъ. Т. I. Исторія Россіи.** Ц. 40 к.
13. Проф. *П. Мигулинъ.* **Русь и Домъ Романовыхъ. Томъ II.** Ростъ Россіи въ экономическ. отношеніи. Ц. 50 к.
14. Проф. *С. Никоновъ.* **Россія и Домъ Романовыхъ.** Ростъ Россіи въ культурномъ отношеніи. Ц. 40 к.
15. *Г. Сверцовъ-Полиловъ.* **Михаилъ Ѳеодоровичъ.** Ц. 12 к.
16. *Н. Ѳеодоровъ.* **Тишайшій Царь—Алексѣй Михайловичъ.** Ц. 10 к.
17. *Л. Погожева.* **Царь Ѳеодоръ. Царевна Софія.** Ц. 5 к.
18. Проф. *П. Ковалевскій.* **Петръ Великій.** Ц. 20 к.
19. *В. Мазуркевичъ.* **Императоръ Петръ II. Императрица Анна Іоанновна.** Ц. 5 к.
20. *Н. Носковъ.* **Императрица Елизавета Петровна. Императоръ Петръ III.** Ц. 10 к.
21. *Его же.* **Екатерина Великая.** Ц. 15 к.
22. *Н. Ѳеодоровъ.* **Императоръ Павелъ.** Ц. 5 к.
23. *Н. Дучинскій.* **Александръ Благословенный.** Ц. 10 к.
24. *А. Ефимовъ.* **Импер. Николай I.** Ц. 12 к.
25. *Н. Дучинскій.* **Царь-Освободитель.** Ц. 12 к.
26. *А. Д. Поповъ.* **Царь-Миротворецъ.** Ц. 12 к.
27. Проф. *А. Елчаниновъ.* **ЦАРСТВОВАНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.** Ц. 30 к.
28. *А. Заринъ.* **Изъ жизни Русскихъ Царей и Царицъ** (разсказы, характер. и т. п). Ц. 35 к.
29. *А. Заринъ.* **Царскія раз… вы за 300 лѣтъ.**
30. *Его же.* **Любимыя мѣстопр… скихъ Государей.** Ц. 20 к.
31. *Н. Жервэ.* **Сподвижники Русскихъ Царей** (за 300 лѣтъ). Ц. 30 к.
32. *Н. Дучинскій.* **Три столѣтія.** (Изъ произв. русскихъ писателей и поэтовъ и юбилейн. сборникъ). Ц. 35 к.
33. *Н. Сергіевскій.* **На зарѣ царства.** Историч. романъ (изъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича). Ц. 75 к.
34. *А. Заринъ.* **1. Великій кормчій. 2. Разрушенное счастье.** Историческ. разсказы изъ временъ царя Михаила. Ц. 10 к.
35. *Его же.* **1. Божья воля. 2. Царскій соколъ.** Историческіе разсказы изъ временъ Алексѣя Михайловича. Ц. 25 к.
36. *Его же.* **По-хорошему.** Историч разсказъ изъ временъ Ѳеодора Алексѣевича. Ц. 10 к.
37. *Его же.* **1. Первый взлетъ. 2 Доброволецъ.** Ист. разск. изъ вр. Петра Вел. Ц. 20 к.
38. *Его же.* **1. Видѣніе. 2. Ангелъ-хранитель.** Историческіе разсказы изъ временъ Екатерины I и Петра II. Ц. 15 к.
39. *Его же.* **1. Стрѣлокъ. 2. Сказка.** Историческіе разсказы изъ временъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны. Ц. 15 к.
40. *Его же.* **Царицынъ подарокъ.** Историческ. разсказъ изъ временъ Екатерины II. Ц. 15 к.
41. *Его же.* **1. Неожиданное счастье 2. Царское великодушіе.** Историческіе разсказы изъ временъ Павла I и Николая I. Ц. 15 к.
42. *Его же.* **1. Неузнанный царь. 2. Урокъ на всю жизнь.** Историческіе разсказы изъ временъ Александра I. Ц. 5 к.
43. *Н. Соколовъ.* **За природнаго Царя.** Драм. сцены въ 6 карт. Пьеса къ предст. дозв. и къ предст. въ нар. театр. одобрена. Ц. 20 к.
44. *А. Котомкинъ.* **Кантата въ стихахъ** (безъ музыки). Ц. 5 к.
45. *А. С. Таниѣевъ.* **Родина наша.** Музык. пьеса. Партитура и голоса. Ц. 50 к.
46. *И. Армсгеймеръ.* **Къ 300-лѣтію Дома Романовыхъ.** Въ стихахъ, съ музык. и пѣн. (съ сопровожд. свѣт. картинъ). Парт. 1 р. 50 к., оркестр. партіи 4 р. 16 свѣт. картинъ: черн. 6 р. 40 к., раскр. 16 р.

Портреты: Государя Императора 5 р., 1 р., 25 к., 5 к. **Государынь Императрицъ** 5 р., **Наслѣдника Цесаревича** 5 р., **каждаго Государя изъ Дома Романовыхъ** 1 р. 25 к.

Памятки къ 300-лѣтнему юбилею. Ц. 1 р. 25 к., 50 к., 15 к., 5 к.

Альбомъ къ 300-лѣтію Царствующаго Дома Романовыхъ. Ц. 25 к.

ВСѢ ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.

Съ требованіями обращаться: 1) въ книгоизд. «Сельскаго Вѣстника»—Спб., Мойка, 32; 2) къ Т-ву И. Д. Сытина—Москва, у Ильинскихъ воротъ, или въ отдѣленія Т-ва И. Д. Сытина—въ С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Екатеринбургѣ, Воронежѣ, Ростовѣ-на-Дону и Иркутскѣ.

Цѣна 25 коп.

Литографія Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1913.

25 к.